

Научный журнал

**АЗИАТСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ:
ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ**
№ 3 (3), 2022

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА:

Март-оол Вячеслав
Донгакович	- директор ТИГПИ, председатель;
Басангова Тамара
Горяевна	- зав. сектором Международного научно-исследовательского центра «Ойраты и калмыки на Евразийском пространстве» ФГБОУ ВО «Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова», доктор филологических наук, доцент;
Берсенов Владимир
Леонидович	- ведущий научный сотрудник Центра экономической теории Института экономики Уральского отделения РАН, доктор исторических наук, профессор;
Дацышен Владимир
Григорьевич	- профессор кафедры всеобщей истории Красноярского государственного педагогического университета имени В. П. Астафьева, доктор исторических наук;
Монгуш Марина
Васильевна	- ведущий специалист Государственного архива Российской Федерации, доктор исторических наук;
Султанов Казбек
Камилович	- зав. отделом литературоведения Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН, доктор филологических наук;
Цендина Анна
Дамдиновна	- профессор Института классического Востока и античности Российского государственного гуманитарного университета, доктор филологических наук.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА:

Моллеров Николай Михайлович	- научный руководитель ТИГПИ при Правительстве РТ по науке, доктор исторических наук, главный редактор;
Натсак Органа Доржуевна	- ученый секретарь ТИГПИ при Правительстве РТ, кандидат философских наук, заместитель главного редактора;
Иргит Оттук Юрьевич	- заместитель директора ТИГПИ при Правительстве РТ, кандидат исторических наук, ответственный секретарь;
Донгак Буян Алексеевич	- заместитель директора ТИГПИ при Правительстве РТ по прикладным направлениям, кандидат экономических наук;
Донгак Светлана Чондан-ооловна	- ведущий научный сотрудник ТИГПИ при Правительстве РТ, кандидат исторических наук;
Кужугет Айлана Калиновна	- главный научный сотрудник ТИГПИ при Правительстве РТ, доктор культурологии, кандидат искусствоведения;
Кунгаа Маргарита Базыр-ооловна	- ведущий научный сотрудник ТИГПИ при Правительстве РТ, кандидат педагогических наук;
Мижит Людмила Салчаковна	- ведущий научный сотрудник ТИГПИ при Правительстве РТ, кандидат филологических наук;
Самдан Аяна Анай-ооловна	- ведущий научный сотрудник ТИГПИ при Правительстве РТ, кандидат исторических наук;
Симчит Кызыл-Маадыр Авый-оолович	- ведущий научный сотрудник ТИГПИ при Правительстве РТ, кандидат филологических наук.

© Азиатские исследования: история и современность.

ASIAN STUDIES: HISTORY AND MODERNITY

No. 3 (3), 2022

EDITORIAL COUNCIL:

1. Mart-ool Vyacheslav Dongakovich – Director of Tuvan Institute of Humanitarian and Applied Social and Economic Research under the Government of the Republic of Tuva, Chairman
2. Basangova Tamara Goryayevna – Head of the Department of the International Research Center “Oirats and Kalmyks in the Eurasian Space,” Kalmyk State University named after B. B. Gorodovikov, Dr. of Sci. (Philosophy)
3. Bersenev Vladimir Leonidovich – Leading Researcher of the Center for Economic Theory of the Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Dr. of Sci. (History), Professor
4. Datsyshen Vladimir Grigoryevich – Professor of the Department of General History of the Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V. P. Astafyev, Dr. of Sci. (History)
5. Mongush Marina Vasilyevna – Leading specialist of the State Archive of the Russian Federation, Dr. of Sci. (History)
7. Sultanov Kazbek Kamilovich – Head of the Department of Literary Studies of A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Dr. of Sci. (Philology)
8. Tsendina Anna Damdinovna – Professor of the Institute of Classical East and Antiquity of the Russian State University for the Humanities, Dr. of Sci. (Philology)

EDITORIAL BOARD:

Mollerov Nikolay Mikhailovich – Editor-in-Chief, Research Director, Tuvan Institute of Humanitarian and Applied Social and Economic Research under the Government of the Republic of Tuva, Dr. of Sci. (History)

Natsak Organa Dorzhuyevna – deputy Editor-in-Chief, Academic Secretary, Tuvan Institute of Humanitarian and Applied Social and Economic Research under the Government of the Republic of Tuva, Cand. of Sci. (Philosophy)

Irgit Ottuk Yurievich – Deputy Director, Tuvan Institute of Humanitarian and Applied Social and Economic Research under the Government of the Republic of Tuva, Cand. of Sci. (History), Executive Editor

Dongak Buyan Alekseyevich – Deputy Director, Tuvan Institute of Humanitarian and Applied Social and Economic Research under the Government of the Republic of Tuva, Cand. of Sci. (Economy)

Dongak Svetlana Chondan-oolovna – Leading Researcher, Tuvan Institute of Humanitarian and Applied Social and Economic Research under the Government of the Republic of Tuva, Cand. of Sci. (History)

Kuzhuget Ailana Kalinovna – Chief Researcher, Tuvan Institute of Humanitarian and Applied Social and Economic Research under the Government of the Republic of Tuva, Dr. of Sci. (Cultural studies)

Kungaa Margarita Bazyr-oolovna – Leading researcher, Tuvan Institute of Humanitarian and Applied Social and Economic Research under the Government of the Republic of Tuva, Cand. of Sci. (Pedagogy)

Mizhit Lyudmila Salchakovna – Leading Researcher of Tuvan Institute of Humanitarian and Applied Social and Economic Research under the Government of the Republic of Tuva, Cand. of Sci. (Philology)

Samdan Ayana Anay-oolovna – Head of the History Department, Tuvan Institute of Humanitarian and Applied Social and Economic Research under the Government of the Republic of Tuva, Cand. of Sci. (History)

Simchit Kyzyl-Maadyr Avyy-oolovich – Leading Researcher of Tuvan Institute of Humanitarian and Applied Social and Economic Research under the Government of the Republic of Tuva, Cand. of Sci. (Philology)

АЗИАТСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Научный журнал

Цели и область

«Азиатские исследования: история и современность» - научный журнал, посвящённый актуальным теоретическим и научно-практическим проблемам тувиноведения, востоковедения, экономики, политики, социального развития Тувы и сопредельных регионов.

Миссия журнала - содействие междисциплинарным и межрегиональным исследованиям.

Главный редактор: Н. М. Моллеров, доктор исторических наук, Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва, г. Кызыл, Российская Федерация

Выходит 4 номера печатной версии журнала в год.

Учредитель и издатель: Государственное бюджетное научно-исследовательское и образовательное учреждение «Тувинский институт гума-

нитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва»

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-80690 от 23.03.2021 г.;

Адрес редакции: 667000, г. Кызыл, ул. Кочетова, 4,

Тел: 8-39422-2-39-36, электронный адрес: tigpi@asvestnik.ru.

ASIAN STUDIES: HISTORY AND MODERNITY

Academic Journal

Goals and research fields

“Asian Studies: History and Modernity” is a scientific journal devoted to topical theoretical and scientific-practical problems of Tuvan studies, Oriental studies, economics, politics, social development of Tuva and adjacent regions. The mission of the journal is to promote interdisciplinary and interregional research.

Editor-in-chief: N. M. Mollerov, Dr. of Sci. (History), Tuvan Institute of Humanitarian and Applied Social and Economic Research under the Government of the Republic of Tuva, Kyzyl, Russia

Founder and Publisher: State budgetary Research and Educational Institution «Tuvan Institute of Humanitarian and Applied Social and Economic Research under the Government of the Republic of Tuva»

Published quarterly (4 issues per year)

Asian Studies: History and Modernity is registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media.

Certificate on registration: PI No. FS77-80690 of 23.03.2021

Editorial staff office: 4, Kochetov str., Kyzyl, 667000, phone: +739422 23936,

E-mail: tigpi@asvestnik.ru

© Asian Studies: History and Modernity

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

- Моллеров Н. М. (Россия)* Райбюро РКП (б) - ВКП (б) – проводник политики партии в советской зарубежной колонии в Туве (1921-1944 гг.).....8
- Натсак О. Д. (Россия)* Тере-Хольское восстание в Туве (1932 г.).....25

АРХЕОЛОГИЯ

- Чадамба Л. Д., Куулар А. И. (Россия)* Археологические раскопки в Чеди-Хольском кожууне Республики Тыва.....55
- Куулар А. И. (Россия)* Оригинальные изваяния на р. Баянкольчик.....63

ФИЛОЛОГИЯ

- Самдан З. Б. (Россия)* Индийские сюжеты в эпической и сказочно-мифологической традиции тувинцев.....70

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

- Сузукей В. Ю. (Россия)* Традиционная музыкальная культура Тувы в системе культурологических парадигм современности.....81

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

- Донгак И. И., Аракчаа К. Д. (Россия)* Опыт экстраполяции трендов при прогнозе смертности населения Тувы от внешних причин.....92

CONTENTS

HISTORY

Mollerov N. M. (Russia) The District Bureau of the Russian Communist Party (of Bolsheviks) - the All-Union Communist Party (of Bolsheviks) - the Leader of the Party's Policy in the Soviet Foreign Colony in Tuva (1921-1944).....8

Natsak O. D. (Russia) The Tere-Kholsky mutiny in Tuva (1932).....25

ARCHAEOLOGY

Chadamba L. D., Kuular A. I. (Russia) Archaeological Sites in the Chedi-Khol District of the Republic of Tuva.....55

Kuular A. I. (Russia) Original skulptures near the river Bayankolchik63

PHILOLOGY

Samdan Z. B. (Russia) Indian Stories in the Epic and Fabulous Mythological Tradition of the Tuvinians.....70

CULTURAL STUDIES

Suzukey V. Yu. (Russia) Traditional Musical Culture of Tuva in the System of Cultural Paradigms of Modernity.....81

SOCIO-ECONOMIC RESEARCH

Dongak I. I., Arakchaa K. D. (Russia) Experience of Extrapolation of Trends in the forecast of mortality among the population of Tuva from External Causes.....92

ИСТОРИЯ

Научная статья
УДК 94 (327+32915)

РАЙБЮРО РКП (б) - ВКП (б) – ПРОВОДНИК ПОЛИТИКИ ПАРТИИ СОВЕТСКОЙ ЗАРУБЕЖНОЙ КОЛОНИИ В ТУВЕ (1921-1944 гг.)

Николай М. Моллеров

Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва, доктор исторических наук, научный руководитель института, Кызыл, Республика Тыва, Россия, nm.mollerov@mail.ru.

Аннотация. В статье раскрываются роль и деятельность районного партийного бюро РКП (б), которое являлось политическим руководителем советской зарубежной колонии в Тувинской Народной Республике и организационно объединяло всех коммунистов – от РСТК и Комитетов советских граждан до советских дипломатических работников, советников, инструкторов и специалистов.

Ключевые слова: Тувинская Народная Республика, районное бюро РКП (б) – ВКП (б), советская зарубежная колония, Русская самоуправляющаяся трудовая колония (РСТК), Тувинская Народно-Революционная Партия (ТНРП), Профком при полпредстве СССР в ТНР, новая экономическая политика, коллективизация, комитеты советских граждан

Для цитирования: Моллеров Н.М. «Райбюро РКП (б) - ВКП (б) – проводник политики партии в советской зарубежной колонии в Туве (1921-1944 гг.)» // Азиатские исследования: история и современность. 2022. № 3. С. 8-24. DOI: 10.24412/2782-6139-2022-3-8-24

THE DISTRICT BUREAU OF THE RUSSIAN COMMUNIST PARTY (OF BOLSHEVIKS)-THE ALL-UNION COMMUNIST PARTY (OF BOLSHEVIKS) IN (1921-1944).

Nikolay M. Mollerov

Tuvan Institute of Humanitarian and Applied Social and Economic Research under the Government of the Republic of Tuva, Dr. of Sci. (History), Scientific Director, Kyzyl, Republic of Tuva, Russia, nm.mollerov@mail.ru

Abstract. The article reveals the role and activities of the regional party bureau of the RCP (b), which was the political head of the Soviet foreign colony in the Tuva People's Republic and organizationally united all communists – from the RSTK and Committees of Soviet Citizens to Soviet diplomatic workers, advisers, instructors and specialists.

Keywords: Tuvan People's Republic, District Bureau of the RCP (b) – CPSU (b), the Soviet Foreign Colony, Russian Self-Governing Labor Colony (RSTK), Tuvan People's Revolutionary Party (TPRP), Trade Union Committee at the USSR Plenipotentiary Representation in the TPR, the New Economic Policy, Collectivization, Committees of Soviet Citizens

For citation: Mollerov, N. M. (2022) The District Bureau of the Russian Communist Party (of Bolsheviks) - the All-Union Communist Party (of Bolsheviks) - the Leader of the Party's Policy in the Soviet Foreign Colony in Tuva (1921-1944)", *Asian Studies: History and Modernity*, no. 3, p. 8-24. DOI: 10.24412/2782-6139-2022-3-8-24

Введение

В XIX – начале XX вв. в Урянхайском крае (Туве), в результате проникновения из России промышленников, торговцев, рабочих и особенно крестьян, сформировалась многотысячная колония российских подданных, которая на разных этапах истории меняла формы самоуправления (от местного общинного, советов, до широкого в форме самоуправляющейся колонии и комитетов советских граждан). В связи с этим подавляющая часть советской зарубежной колонии в Туве была представлена переселенцами из досоветской России и их потомками. Они проживали в Туве постоянно, образовав такие формы самоуправления, как Русская самоуправляющаяся трудовая колония (РСТК) и комитеты советских граждан (КСГ). В течение почти четырех лет (1941-1944 гг.) они были бипатридами, имея двойное гражданство – СССР и ТНР.

Другую, менее многочисленную категорию советских граждан составляли советские дипломаты и представители Коминтерна, советники, инструкторы и специалисты, временно работавшие в ТНР в порядке оказания Туве кадровой помощи и укрепления советско-тувинских отношений.

Определяющее влияние на дальнейшие судьбы россиян в Туве оказало образование в 1921 г. тувинского государства и его сближение с Советской Россией и СССР. Все сферы деятельности советской зарубежной колонии в Туве поначалу регулировались советским законодательством и находились под политическим руководством РКП (б) - ВКП (б).

Создание райбюро РКП (б) в Туве

Политическое руководство всей советской зарубежной колонией в Туве, включая РСТК, осуществляло и ставшее во главе партийной организации колонии районное бюро РКП (б) – ВКП (б). Еще до образования РСТК в начале 1921 г. по инициативе политработников советских воинских частей, расположенных в Туве, в русской колонии началась организация коммунистических ячеек. Первоначально Сиббюро ЦК РКП (б) возложило руководство над ними на политотделы воинских частей. Однако политотделы из-за недостатка партийных кадров не имели возможности уделять политической работе среди населения достаточного внимания. В связи с этим по инициативе сотрудника представительства Сибревкома и Реввоенсовета 5-ой армии М. М. Терентьева в июле 1921 г. была созвана первая партийная конференция, где было образовано организационное бюро РКП (б) в составе будущего председателя исполкома РСТК Г. Я. Стрелкова, М. М. Терентьева и комбата 352 полка 5-й армии Рабоче-Крестьянской Красной Армии (РККА) К. Лидина¹. Но, так как избранный состав оргбюро был перегружен другими делами, в октябре 1921 г. оргбюро было переизбрано. В него вошли: комиссар советских воинских частей в Туве Я. С. Чугунов, представитель Коммунистического интернационала молодежи (КИМ) В. Боровиков и М. Серебрянников. Новые работники оргбюро вели организационно-пропагандистскую и учетно-партийную работу, открыли советско-партийную школу для подготовки секретарей местных ячеек РКП (б). В школе читались лекции по разделам «Советское строительство» и «Революционное движение»².

В январе 1922 г. в соответствии с решением Сиббюро ЦК РКП (б) в Туве было утверждено районное бюро РКП (б). Его секретарём был назначен Яков Сидорович Чугунов³. Членами райбюро стали представитель НКВД РСФСР в Туве Федор Григорьевич Фальский, Горелик и направленный Енисейским губернским комитетом (Енгубком) РКП (б) в Туву на партийную работу Николай Николаевич Нелидов. Райбюро в течение нескольких лет подчинялось Енгубкому РКП (б). С мая 1925 г., когда губернии в Сибири были ликвидированы, руководство перешло на короткое время к Минусинскому окружному комитету РКП (б), а с 1926 г. – непосредственно к Сибкрайкому ЦК РКП(б).

¹ НА РТ, Ф. 1, оп. 1, д. 16, л. 7.

² Там же, д. 43, л. 16; д. 18, л. 10.

³ Кроме Я. С. Чугунова, секретарями райбюро РКП (б) - ВКП (б) в Туве в разное время были: И. И. Чудинов, П. В. Страус, Д. Ф. Казначеев, Т. Чуев и Коновальчик.

Сфера деятельности и политическая работа райбюро РКП (б)

Чугунов Яков Сидорович

С первых дней создания райбюро РКП (б) повело работу по распространению своего политического влияния на все сферы жизни колонии. Прежде всего, было уделено внимание укреплению местных партийных ячеек, число которых увеличилось с десяти до пятнадцати. В апреле 1922 г. в некоторые из них влились первые выпускники краткосрочных курсов совпартшколы. И в дальнейшем такое пополнение происходило ежегодно. С апреля по июнь 1922 г. была проведена перерегистрация и чистка ячеек.

После этого в них осталось 30 коммунистов, 64 кандидата и 45 сочувствующих. В парторганизации, таким образом, насчитывалось 149 человек. 80% её состава являлись красными партизанами, остальные были демобилизованными красноармейцами и местными активистами. В целом по социальному составу партийная организация зарубежной советской колонии была крестьянской⁴ [Очерки истории 1978, с. 37].

1 августа 1922 г. в советской зарубежной колонии в Туве прошла II партийная конференция. Она подвела итоги проделанной организационной работы, способствовала подъему активности коммунистов. Был сделан вывод, что «основной фундамент для политработы заложен», и ячейки могут приступить к руководству общественной жизнью на местах. Предстояло главное внимание в партийной работе уделить улучшению качественного состава партийной организации. При этом учитывалось, что в условиях нэп, с допущением в экономику частного капитала наплыв представителей имущих классов в партию возрастет. В связи с этим предлагалось усилить идейно-воспитательную работу в массах⁵.

По окончании конференции райбюро РКП (б) направило в деревню своих работников для разъяснения сути новой экономической политики (нэп). Через местные ячейки и вскоре созданную партийную фракцию исполкома РСТК осуществлялось руководство советским и культурно-хозяйственным строительством в Советской колонии. Из местных активистов стали подбирать и ежегодно направлять по несколько

⁴ НА РТ, ф. 32, оп. 1, д. 18, лл. 40-49.

⁵ НА РТ, ф. 32, оп. 1, д. 16, лл. 1-29.

человек на рабфак в г. Иркутск и в партшколу в г. Красноярск. В связи с недостатком грамотных кадров было санкционировано привлечение на работу «спецов»⁶ из числа военнопленных разгромленного В Туве отряда белого генерала А. С. Бакича. Так как в течение первой половины 1920-х годов в советской колонии было раскрыто несколько заговоров против власти, по просьбе райбюро РКП (б) для разоблачения и предупреждения антисоветских заговоров в Туву был направлен опытный чекист Г. Скворцов⁷.

*Сафьянов Иннокентий
Георгиевич*

Первая партийная чистка. Осуждение И. Г. Сафьянова

Осенью 1922 г. была проведена чистка среди ответственных работников-коммунистов. Из 14 человек ее не прошли трое. В том числе И. Г. Сафьянов, авторитетный в Туве и Минусинском крае революционный деятель, занимавший к тому времени пост заведующего одной из советских торговых организаций в Туве – Тувинской конторы Центросоюза СССР. Свое решение об исключении его из партии руководство райбюро РКП (б) мотивировало тем, что И. Г. Сафьянов с переходом партии к нэп впал в скептицизм, стал резко высказывать недовольство дипломатической и партийной работой в Туве и собственным положением. В письменном объяснении Я. С. Чугунову он изложил свой взгляд на нэп как на «топтанье на месте, повторение давно уже пройденного». Недооценивая роль торговли в экономическом союзе рабочих и крестьян, И. Г. Сафьянов писал: «Злая ирония судьбы поставила меня во главе торговой организации; я, подчиняюсь этому, хотя и ненавижу свою работу всеми силами своей души, и работаю, но чередовать эту «работу» со светлой и чистой [революционной] работой ...у меня не хватает сил...»⁸. И. Г. Сафьянов связывал успешное развитие Советской России с грядущей мировой революцией и потому болезненно воспринял переход от политики военного коммунизма к нэп.

⁶ «Спецами» называли привлеченных на работу в органы власти и организации представителей «чуждых» классов и сословий.

⁷ НА РТ, ф. 32, оп. 1, д. 16, лл. 1-29.

⁸ НА РТ, ф. 32, оп. 1, д. 18, л. 35.

Другим побудительным, хотя и формальным, мотивом исключения его из партии была принадлежность к купеческому сословию. Отмечалось также, что он злоупотреблял служебным положением и оказывал на сослуживцев вредное влияние⁹. В конторе Центросоюза несколько человек разделяли его взгляды, а один из них, как несогласный с исключением Сафьянова из партии, сам был исключен из кандидатов в члены РКП (б).

Причину столь резкого осуждения позиции И. Г. Сафьянова со стороны райбюро РКП (б) следует усматривать в нежелательности его влияния на крестьян, особенно на бедноту, склонную к левацким настроениям. Как показали поездки инструкторов в районы РСТК, такие настроения не являлись редкостью. Например, крестьянин пос. Владимировка Макар Зыков заявил, что «все инструктора исполкома и райбюро проводят старомодную линию»¹⁰.

Таким образом, переход к нэп у определенной части советских колонистов ассоциировался с возвратом к прежним порядкам. Райбюро РКП (б), как могло, препятствовало распространению таких представлений, порой это делалось неоправданно резко.

Структурные подразделения райбюро РКП (б)

До 1923 г. в райбюро было два отдела: учетно-информационно-инструкторский и политико-просветительный. С прибытием в начале января 1923 г. из Красноярска пополнения была проведена реорганизация и созданы отделы: организационно-инструкторский (его работу вел Я. С. Чугунов), общий с учетно-информационным подотделом (заведовал А. Чиняков) и агитационно-пропагандистский (В. Боровиков). Инструкторами стали А. Попова и Е. Яровая. Расширение состава райбюро позволило вести политическую работу в колонии более систематически.

Так же был создан агитационно-пропагандистский отдел (агитпроп, АПО), призванный осуществлять партийное просвещение, вести разъяснительную работу среди населения, проводить предвыборные кампании в Советы, агитируя за лучших кандидатов, идеологически обеспечивать проведение хозяйственных кампаний (сбор налогов, посевная, уборочная и т.п.), организацию праздничных мероприятий, шефскую работу и др. АПО вел сбор воспоминаний участников революционного движения в Туве по линии Испарта¹¹. В систему АПО

⁹ Там же, л. 116.

¹⁰ НА РТ, ф. 32, оп. 1, д. 122, л. 149.

¹¹ *Испарт* — Комиссия по истории Октябрьской революции и РКП(б), научно-исследователь-

входил политпросвет, созданный на базе внешкольного подотдела народного образования исполкома РСТК. Он осуществлял руководство культурно-просветительными комиссиями в поселках, возглавлял библиотечную и клубную работу, отвечал за ликвидацию безграмотности.

Ответственные работники райбюро ВКП (б), Исполкома РСТК и райбюро ВЛКСМ в Туве. Вторая половина 1920-х гг.

Направления и формы политической работы

7-10 февраля 1923 г. на заседании секретарей партийных ячеек обсуждался ход выполнения поставленных задач. Было обращено внимание на необходимость укрепления партийной дисциплины. Ф. Г. Фальский и Я. С. Чугунов информировали собравшихся, что проделанная в Туве политическая работа получила одобрение ЦК РКП (б) и Енгубисполкома¹².

С целью укрепления связи с населением и вовлечения его в общественную жизнь, исполкому РСТК было рекомендовано проводить открытые заседания. В апреле 1923 г. во всех основных районах проживания русского населения прошли беспартийные конференции, на которых разъяснялись вопросы советского строительства в колонии, обсуждались хозяйственные вопросы (налогообложение, обеспечение сельскохозяйственным инвентарем, семенами и т.п.). Изучение отношения крестьян к проводимым властью мероприятиям показало их недовольство тем, что организованные исполкомом РСТК посевные коми-

ское учреждение, которое занималось сбором, хранением, научной обработкой и изданием материалов по истории партии и революции.

¹² НА РТ, ф. 32, оп. 1, д. 30, лл. 2, 7.

тетты (посевкомы) командуют, как, когда и что сеять, устанавливают твердые задания посевов¹³. По существу, это было сохранение методов «военного коммунизма» в условиях мирного строительства и нэп. Однако райбюро РКП (б) в этой ситуации встало на сторону исполкома и постаралось убедить делегатов конференции в пользу его действий.

Члены райбюро РКП (б) и сами не до конца освободились от прежних методов руководства. Это выражалось, к примеру, в том, что в партийной организации колонии долгое время сверху до низу, т.е. до ячеек включительно, отсутствовала выборность. Иногда это проявлялось и в порядке формирования местных органов власти вопреки положению о выборах в местные Советы. При этом отмечалось, что, несмотря на проявления политики «военного коммунизма», конференции сыграли положительную роль тем, что «оживили политическую атмосферу районов, раскачали население, привлекли к участию в общественной работе политически отсталые слои населения и содействовали сближению руководящего центра с массами»¹⁴.

В ночь с 22 на 23 января 1924 г. по прямому проводу пришло сообщение о смерти руководителя советского государства и лидера РКП (б) В. И. Ленина. Утром 23 января на экстренном заседании райбюро РКП (б) Я. С. Чугунов зачитал полученное трагическое сообщение. Было принято решение оповестить о тяжелой утрате всё население советской зарубежной колонии в Туве. В г. Кызыле состоялось траурное собрание. Работники райбюро РКП (б) срочно выехали в поселки. Вскоре после этого в колонии был объявлен ленинский призыв в партию, завершившийся в начале апреля 1925 г.

Партийная печать

До 1924 г. райбюро РКП (б) не имело возможности использовать в своей работе печатное слово. В 1922 г. оно выделило специального корреспондента, обязанностью которого являлась периодическая передача информации о событиях в РСТК в Енисейское отделение Российского телеграфного агентства (РОСТА). Позднее были назначены корреспонденты, выполнявшие те же функции в отношении газеты «Красноярский рабочий» и «Советская Сибирь».

Центральным печатным органом райбюро и исполкома РСТК стала учрежденная 4 июля 1924 г. газета «Красный пахарь», которая в своей

¹³ НА РТ, ф. 32, оп. 1, д. 22, лл. 44-45.

¹⁴ НА РТ, ф. 32, оп. 1, д. 28. Л. 14.

работе равнялась на выходявшую в СССР центральную «Правду». На страницах «Красного пахаря» находили отражение все стороны деятельности парторганизации и органов власти. Для оперативного освещения местных событий создавалась широкая сеть внештатных корреспондентов – рабселькоров и араткоров. Через год после выхода первого номера газеты их численность составляла 150 человек [Танова 1970, с. 14]. Основными в газете были рубрики: «За рубежом», «По Тувинской республике», «Партстроительство», «Укрепим Советы», «Наша смена», «Советы агронома», «Беседы врача», «Знай язык друзей». В ней печатались сначала отдельные заметки, а затем и целые полосы на тувинском языке русским алфавитом. Газета стала организатором, культурным и политическим просветителем среди советских колонистов. «Красный пахарь» оказывал влияние на становление тувинской периодической печати. Кроме того, колонистами выписывались газеты и журналы из СССР.

Первый партийный съезд РСТК

В условиях удаленности советских граждан в Туве от СССР и проживания их на одной земле с тувинским народом исключительно важное значение придавалось как патриотическому, так и интернациональному воспитанию.

8-11 сентября 1924 г. состоялся I партийный съезд РСТК, на котором были обсуждены текущий политический момент, политический отчет райбюро РКП (б) и внутрипартийная работа в колонии. На съезд прибыло 111 делегатов, в том числе 38 коммунистов и 73 кандидата. Всего же к моменту съезда партийная организация РСТК насчитывала 160 человек, в том числе 48 членов РКП (б), 112 кандидатов.

В докладе о внутрипартийной работе Я. С. Чугунов подчеркнул, что в ее основу были положены решения XIII партийной конференции РКП (б) о партийном строительстве и её резолюция по организационному вопросу. Он выдвинул ряд задач, направленных на активизацию деятельности партийных ячеек: усиление их влияния на крестьянское население, шефство городской ячейки над окрестными поселковыми ячейками, укрепление дисциплины, созыв районных партсобраний, организация торговой и сельскохозяйственной кооперации, регулярное проведение партийного дня с докладами и беседами по истории и задачам партии, проведение объединённых собраний партийных и комсомольских ячеек, улучшение работы среди женщин, участие в качестве селькоров газеты

«Красный пахарь». Эти задачи были одобрены съездом¹⁵.

В области экономической политики особого внимания требовали мероприятия, от правильного проведения которых зависело укрепление дружественных отношений с тувинским народом (земельный вопрос, торговля, организация добычи золота и т.д.) и осуществление мероприятий в деревне (налогообложение, организация торговой, сельскохозяйственной и промысловой кооперации, помощь бедноте и отношение к «основной фигуре деревни» – середняку).

В первой категории вопросов наиболее острым и неотложным являлся земельный вопрос. Националисты в тувинском правительстве, желая вызвать волнения среди русских колонистов и их массовый выезд из Тувы, выдвигали требования многократного увеличения арендной платы и обмен части плодородных земель на непригодные для земледелия. Райбюро РКП (б) понимало тяжесть таких условий, но, учитывая обстановку и действуя в интересах упрочения дружественных отношений между ТНР и СССР, шло на уступки.

Политическое руководство в области сельского хозяйства РСТК

Что касается хозяйственных мероприятий внутри колонии, то они во многом способствовали подъему сельского хозяйства и развитию торговли. При этом следует подчеркнуть, что имущественный принцип при их проведении в первой половине 1920-х годов не выдерживался. Налогообложение носило уравнилительный характер. Из всех форм кооперации успешно развивалась лишь торговая. Первые простейшие сельскохозяйственные коллективы начинают появляться лишь в середине 1920-х годов. Эти и другие недостатки в работе райбюро РКП (б) - ВКП (б) были отмечены партийной комиссией Сибкрайкома ВКП (б), проводившей обследование советской колонии в феврале-марте 1926 г. в составе А. И. Бочкова и П. Г. Лешукова¹⁶. Прошедшая в апреле 1926 г. IV партийная конференция приняла резолюцию, направленную на их исправление. Ячейки были нацелены на проведение работы по сплочению бедноты и середняков, недопустимость командования местными Советами, укрепление состава слабых ячеек, усиление профсоюзной работы. При райбюро ВКП (б) 6 апреля 1926 г. была создана и приступила к работе постоянная деревенская комиссия.

¹⁵ НА РТ, ф. 32, оп. 1, д. 33, лл. 1-17.

¹⁶ НА РТ, ф. 32, оп. 1, д. 64, лл. 0-16.

Курс на упразднение РСТК и сближение с ТНР

С весны 1926 г. райбюро ВКП (б) совместно с полпредством СССР в ТНР приступило к постепенному проведению курса на свертывание функций самоуправления РСТК. Через партийные фракции райбюро ВКП (б) руководило работой профсоюзной организации и торговой кооперации. Самое активное участие принимали работники райбюро в организации и проведении съездов профсоюзов, кооперации, женщин, селькоров и т.п. С выборностью в партийных ячейках решено было не торопиться и ввести ее после оздоровления их состава¹⁷.

В 1928-1929 гг. под руководством райбюро ВКП (б) в поселках создаются простейшие сельскохозяйственные коллективы – комитеты крестьянской общественной взаимопомощи (ККОВ) и машинные товарищества, при организации которых допускались командование и форсирование сроков. Это дало повод группе коммунистов из полпредовской ячейки обвинить райбюро ВКП (б) в «насильственном насаждении коммунизма»¹⁸. В столь расширительной формулировке было допущено большое преувеличение, в части же оценки методов организации ККОВ и машинных товариществ она была верна. Однако райбюро полностью отмело эту критику.

Работники райбюро ВКП (б) разделяли роковую ошибку руководства ВКП (б) во главе с И. В. Сталиным, состоящую в отказе от ленинского «научного реалистического подхода к задачам социалистического строительства» [Шмелев 1987, с. 143] и в переходе к административно-командным методам управления экономикой и обществом. Следует, однако, отметить, что в РСТК, как, наверное, и повсеместно, отход от нэп происходил не только по команде сверху. На местах также имелась почва для такого поворота: политическая близорукость, элементы политики «военного коммунизма», крестьянский революционаризм, выражавшийся в стремлении бедноты решать свои проблемы исключительно за счет экспроприации зажиточных крестьян. Хотя, с другой стороны, следует отметить, отход от нэп в РСТК происходил не так резко и быстро, как в СССР.

Кампания по организации простейшей сельскохозяйственной кооперации в Советской колонии показала, что с течением времени революционаризм до конца не был изжит. Почва для него создавалась и в результате недостаточно продуманной и несистематической работы по политическому воспитанию крестьянской бедноты и батрачества. Такая

¹⁷ НА РТ, ф. 32, оп. 1, д. 71, л. 2.

¹⁸ НА РТ, ф. 32, оп. 1, д. 82, л. 18.

работа по существу ограничивалась противопоставлением бедноты зажиточным слоям деревни. Всё вместе взятое: нажим на зажиточных крестьян, форсированное создание сельхозкооперации, опора на левацкие элементы крестьянства – свидетельствовало о постепенном отходе от нэп. Причем всё это воспринималось как единственно правильный путь, как переход после отступления к наступлению на частный капитал.

Работа комиссии ЦКК ВКП (б) в Туве

В начале 1929 г. в РСТК работала комиссия ЦКК ВКП (б). В результате проведённой ею чистки из партии были исключены 50% сельских коммунистов¹⁹. Она дала заключение о состоянии советской и партийной работы в колонии, где указывалось на отсутствие попыток организации колхозов, на недостаточное индивидуальное обложение зажиточных крестьян, на засорённость состава местных Советов выходцами из «зажиточно-кулацких слоев». По мнению членов комиссии, социальный состав Советов в колонии определялся неверно. По данным райбюро и исполкома, удельный вес представителей разных социальных слоев был следующим: 1% батраков, 64% бедноты, 33% середняков и 2% зажиточных. Сама же комиссия, основываясь на более жестких критериях, установила, что 0,8% состава Советов являются батраками, 12,6% – бедняками, 69% – середняками, 12,6% – зажиточными и остальные – рабочими, служащими и прочими²⁰. Перед райбюро и исполкомом была поставлена задача – вычистить из ККОВ и машинных товариществ зажиточных хозяев и прекратить их кредитование. Отмечалось, что политическая борьба в деревне, хоть и оживилась в последнее время, но все же недостаточно, что «массы начинают подниматься, а политическое руководство отстает»²¹. Райбюро было указано на его неразборчивость в отношении к партизанам и неумение различать среди них «примазавшихся».

В целом все заключение комиссии было выдержано в командном духе и обязывало райбюро РКП (б) переходить к более решительным действиям по кооперированию крестьянства. Она четко и недвусмысленно нацеливала партийное руководство РСТК на более быстрое свертывание нэп.

В период массовой коллективизации РСТК райбюро ВКП (б) допускало колебания и метания из стороны в сторону. Оно то прекращало перегибы, то допускало их вновь.

¹⁹ НА РТ, ф. 92, оп. 1, д. 42, л. 11.

²⁰ НА РТ, ф. 32, оп. 1, д. 114, л. 21.

²¹ НА РТ, ф. 32, оп. 1, д. 114, л. 24.

***Вопросы патриотического и интернационального воспитания.
Помощь ТНР в создании общественно-политических организаций***

Основные усилия парторганизации РСТК направлялись на воспитание колонистов в духе советского патриотизма и интернационализма, трактуемых через призму классового подхода. При этом она исходила из общих представлений советского руководства о важной роли РСТК в осуществлении революционных преобразований в Туве. На заседании райбюро РКП (б) 5 июля 1922 г. с докладом о работе среди тувинцев выступил Ф. Г. Фальский. В принятом на нем постановлении было отмечено, что необходимо накапливать знания истории, быта и психологии тувинцев, а также опыта работы среди них. В нем также говорилось: «Мы должны приложить все силы парторганизации на усвоение местными коммунистами значения начинающей развиваться тувинской государственности и укрепить дружественные отношения между РСТК и урянхайским народом»²². На II партконференции советской колонии отмечалось, что положение РСТК в Туве будет настолько прочным, насколько прочны будут дружественные отношения постоянно проживающих в Туве советских граждан с тувинцами²³.

В задачу партийной организации входило проведение среди тувинцев политико-воспитательной работы по ослаблению феодально-теократического и буржуазного влияния, пробуждение способности к самостоятельным шагам в осуществлении революционных начинаний. При этом имелось ясное понимание, насколько глубока укорененность тувинского народа в реалиях векового прошлого. В связи с этим райбюро РКП (б) предостерегало коммунистов, связанных с работой среди коренного населения от стремления форсировать события. Так, в частности, на заседании 29 марта 1923 г. было отклонено предложение советника ЦК ТНРП и Совета Министров ТНР П. С. Медведева, считавшего, что в Туве созрели все внутренние условия для отстранения от власти феодально-теократического правительства, и что пришла пора это сделать²⁴. Осуществление данного предложения означало бы ни что иное, как вмешательство СССР во внутренние дела тувинского государства. Пройдёт еще более пяти лет, пока советское руководство, в связи с обострением внешнеполитической ситуации (прежде всего, отношений с Китаем), на такое вмешательство решится.

²² Там же, д. 18, л. 70.

²³ Там же, д. 16, л. 5.

²⁴ Там же, д. 24, л. 39.

Первоочередной в деле помощи ТНР считалась задача всемерного содействия небольшой прослойке тувинских революционеров в создании революционной партии. Учитывая ленинские советы монгольским революционерам [Ленин 1963, с. 232] и рекомендации Коминтерна, советская партийная организация в Туве активно помогала элегестинской группе тувинских революционеров во главе с Оюном Курседи в создании и становлении Тувинской народно-революционной партии (ТНРП) [Ломакин 1960, с. 99, 103-104, 106, 108]. Непосредственное участие в этой работе принимали коммунисты Я. С. Чугунов, Ф. Г. Фальский, Н. Н. Нелидов, В. М. Иванов, П. С. Медведев, Б. Цивенжапов и др. Они участвовали в создании местных партийных ячеек ТНРП, в подготовке при совпартшколе райбюро РКП (б) партийных кадров для Тувы. В 1923 г., благодаря поддержке райбюро, была пресечена попытка феодально-теократического руководства партии упразднить ТНРП. Я. С. Чугунов стал представителем парторганизации советской колонии в ЦК ТНРП. Летом 1924 г. райбюро содействовало ЦК ТНРП в открытии тувинской партийной школы.

Выступая на I партийном съезде советской колонии (1924 г.), Ф. Г. Фальский обратил внимание делегатов на то, что работа по пробуждению самостоятельности тувинского народа принесла свои плоды. Это выразилось в том, что народ стал более активен в выражении национальных и государственных интересов, в стремлении к их реализации. Советский консул подчеркнул, что это обстоятельство необходимо в обязательном порядке учитывать в отношениях с тувинцами и с уважением относиться к их интересам. В числе первоочередных задач партийной работы он назвал борьбу с великорусским шовинизмом и установление тесной хозяйственно-культурной смычки РСТК с ТНР. В резолюции съезда по его докладу отмечалось, что «основным лозунгом текущего политического момента является искренняя бескорыстная тувинско-русская дружба, на которую должна опираться вся работа в колонии»²⁵. В практическую плоскость переводилась задача оказания всесторонней хозяйственно-культурной помощи тувинскому народу. Предстояло установить тесные связи между ячейками РКП (б) и ТНРП на местах.

Самое активное содействие ТНРП оказывало райбюро РКП (б) - ВКП (б) в создании Тувинского Революционного Союза Молодежи (ТРСМ), профсоюза, женской и пионерской организаций, народной армии, банков, торговой кооперации и золотопромышленных предприятий. В период с конца 1927 по 1932 гг., когда произошла передача в ведение ТНР

²⁵ НА РТ, ф. 32, оп. 1, д. 22, лл. 71-72.

ряда предприятий и организаций РСТК, райбюро ВКП (б) параллельно с ТНРП через коммунистов продолжало проводить свое политическое влияние в объединенных тувинско-русских организациях. В частности, оно мобилизовало русских коммунистов на приисках для оказания ТНРП помощи в создании национальных кадров рабочих, организовало шефство русских колхозов и кустарно-промысловых артелей над тувинскими коллективами, активно поддерживало первые шаги ТНРП в решении культурных задач тувинского общества.

Полулегальное положение райбюро РКП (б)

До сих пор остается до конца неизученным вопрос о положении советских граждан, постоянно проживавших в Туве и являвшихся членами ВКП (б) и ВЛКСМ, в период с 1932 по 1944 гг. После преобразования РСТК в комитеты советских граждан из документов и периодической печати Тувы исчезают упоминания о райбюро ВКП (б), коммунистах и комсомольцах. Они, как бы сходят с тувинской исторической сцены. Во всяком случае, перестают открыто играть прежнюю роль. Но это вовсе не значит, что все советские граждане – партийцы и члены ВЛКСМ – автоматически выбыли из рядов коммунистической партии и комсомола. Никуда не делись они и из Тувы.

В конце 1980-х гг. в моей беседе с бывшим председателем Кызылского комитета советских граждан и русским писателем Тувы Михаилом Ивановичем Пахомовым затрагивался этот вопрос. Тогда он мне рассказал, что партийный учёт и взимание взносов с советских коммунистов осуществлял «Профком», который под видом профсоюзной организации продолжал играть среди советских граждан в Туве руководящую политическую роль. Комсомольская организация существовала под видом «Комитета физкультуры». «Такие же названия, – рассказывал он, – получили все поселковые и городские партийные и комсомольские ячейки, зарождение которых относилось к началу двадцатых годов. Через комитеты советских граждан бывшие райбюро ВКП (б) и ВЛКСМ проводили в жизнь всю партийную и комсомольскую деятельность. Все это осуществлялось под непосредственным руководством ЦК ВКП (б) и ВЛКСМ.

Таким образом, с начала 1930-х гг. Райбюро РКП (б) - ВКП (б) в Туве перешло, как бы на нелегальное положение. Однако для тувинского правительства и ТНРП в этом деле ничего нелегального не было. Например, Генеральный секретарь ЦК ТНРП С. К. Тока и некоторые другие товари-

щи из состава тувинского руководства, вступившие в ряды ВКП (б), еще в начале тридцатых годов открыто принимали участие во всех форумах «профсоюзной» организации при полпредстве СССР в ТНР²⁶. В своих воспоминаниях о С. К. Тока «Человек на все времена» М. И. Пахомов также писал: «В силу некоторых обстоятельств внешнеполитического порядка организация советских коммунистов в Туве находилась тогда на «нелегальном» положении, и ее райком официально назывался профкомом при полпредстве»²⁷.

Заключение

Итак, Райбюро РКП (б) - ВКП (б) в течение всего периода ТНР являлась политическим руководителем советской зарубежной колонии в Туве, проводником политической линии партии большевиков в СССР. Она также оказывала всестороннюю помощь в социалистической модернизации ТНР, в создании и становлении ее общественно-политической системы. Под руководством райбюро в советской зарубежной колонии в Туве проводилась новая экономическая политика (нэп), торговая кооперация и коллективизация сельского хозяйства, создавались сельские партийные организации. После упразднения РСТК райбюро перешло на полулегальное положение, особенность которого заключалась в том, что официально она была представлена как профсоюзная. Руководство ТНР и ТНРП были о его деятельности информированы. Скрытность соблюдалась лишь в отношении информации, предназначенной для капиталистических стран.

Литература:

1. Ленин 1963 – *Ленин, В.И.* Полн. собр. соч. Т. 44. М.: Издание 5-е. Государственное издательство политической литературы. 644 с.
2. Ломакин 1960 – *Ломакин, М.М.* Борьба ТНРП за укрепление народно-демократического строя ТНР (1921-1929 гг.) // Ученые записки ТНПИЯЛИ. Кызыл: Тувинское книжное издательство. Вып. VIII. С. 99, 103-104, 106, 108
3. Очерки истории 1978 - Очерки истории Тувинской областной организации КПСС. Кызыл: Тувинское книжное издательство. 405 с.
4. Шмелев 1987 – *Шмелев, Н.* Авансы и долги // Новый мир. 1987. № 6. С. 142-158.

References:

1. Lenin, V. I. (1963) "Poln. sobr. soch." [Complete Works], vol. 44, Moscow, the 5th edition, Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury, 644 p. (In Russ.).
2. Lomakin, M. M. (1960) "Bor'ba TNRP za ukreplenie narodno-demokraticheskogo stroja TNR (1921-1929 gg.)" [The Struggle of the Tuvan People's Revolutionary Party for

²⁶ НА РТ, ф. 102, оп. 1, д. 50, лл. 214 об.- 215 об.

²⁷ Воспоминания М. И. Пахомова записаны автором в нач. 1980-х гг.

the Strengthening of the People's Democratic System in the Tuvan People's Republic (1921-1929)], *Uchenye zapiski TNUJJaLI*, Issue VIII, Kyzyl: Tuvinskoe knizhnoe izdatel'stvo, p. 99-112. (In Russ.).

3. "Ocherki istorii Tuvinskoj oblastnoj organizacii KPSS" (1978) [Essays on the History of the Tuvan Regional Organization of the Communist Party of the Soviet Union], Kyzyl, Tuvinskoe knizhnoe izdatel'stvo. 405 p. (In Russ.).

4. Shmelev, N. (1987) "Avansy i dolgi" [Advances and Debts], *Novyj mir*, no. 6, p. 142-158. (In Russ.).

Информация об авторе:

Николай М. Моллеров, доктор исторических наук, научный руководитель, Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва, Кызыл, Россия; 667000, Россия, Республика Тыва, Кызыл, ул. Кочетова, д. 4, nm.mollerov@mail.ru.

Information about the author:

Nikolay M. Mollerov, Dr. of Sci. (History), Scientific Director, Tuvan Institute of Humanitarian and Applied Social and Economic Research under the Government of the Republic of Tuva, Kyzyl, Russia; 4 Kochetov str., Kyzyl, 667000, the Republic of Tuva, Russia, nm.mollerov@mail.ru.

© Моллеров Н. М., 2022

Научная статья
УДК 94(470+571.52)

ТЕРЕ-ХОЛЬСКОЕ ВОССТАНИЕ В ТУВЕ (1932 г.)

Органа Д. Натсак

Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва, к.ф.н., ученый секретарь, Кызыл, Республика Тыва, Россия, nod695596@gmail.com.

Аннотация. В представленной статье исследуется малоизученный в тувинской историографии вопрос, связанный с вооружённым восстанием в Тере-Холе в 1932 г.: внутриполитический аспект и причины, ход событий, социальный состав участников, трансграничный характер и

политические уроки мятежа.

В статье показано, что Тере-Хольское вооружённое выступление было направлено против политики партии и правительства, в защиту религии, и носило антимодернизационный характер. Социальный состав участников свидетельствует о том, что в восстании принимали участие не только бывшие феодалы и ламы, чье экономическое и политическое положение ухудшилось вследствие «левой политики», но и араты, партийно-ревсомольские работники, представители местных органов власти. Как и восстание на Хемчике 1930 г., мятеж в Тере-Холе имел трансграничный характер, по времени совпал с Хубсугульским восстанием в Монголии.

Мятеж в Тере-Холе в 1932 г. был последним проявлением открытой формы сопротивления и противостояния политике партии и правительства в ТНР, с этими событиями закончился вооружённый этап политического протеста в ТНР.

Ключевые слова: внутренняя политика ТНР, конфискация имущества, «ламский вопрос», Тере-Хольское восстание

Для цитирования: Натсак О. Д. «Тере-Хольское восстание в Туве (1932 г.)» // Азиатские исследования: история и современность». 2022. №3. С.25-54. DOI: 10.24412/2782-6139-2022-3-25-54

THE TERE-KHOLSKY MUTINY IN TUVA (1932)

Organa D. Natsak

Tuvan Institute of Humanitarian and Applied Social and Economic Research under the Government of the Republic of Tuva, Cand. of Sci. (Philosophy), Academic Secretary, Kyzyl, the Republic of Tuva, Russia, nod695596@gmail.com.

Abstract. The article is devoted to an insufficiently studied issue in Tuvan historiography related to the armed uprising in Tere-Hol in 1932: the internal political aspect and causes, the course of events, the social composition of participants, the cross-border nature and political lessons of the mutiny.

The author shows that Tere-Khol armed action was directed against the policies of the party and the government, in defense of religion, and has an anti-modernizing nature. The social composition of the participants indicates that they were not only former feudal lords and lamas, whose economic and political situation worsened as a result of "leftist politics", but also

arats, party and Komsomol workers, representatives of local authorities. Like the mutiny on Khemchik in 1930, the incident in Tere-Khol had a cross-border character, coincided in time with the Khubsugul uprising in Mongolia.

It had been the last manifestation of an open form of resistance and opposition to the policies of the party and government in the TPR after which there was no armed political protest in the TPR.

Keywords: internal policy of the Tuvan People's Republic, confiscation of property, "Lama question", the Tere-Khol mutiny

For citation: Natsak, O. D. (2022) "The Tere-Kholsky mutiny of 1932", Asian Studies: History and Modernity, no. 3, p.25-54. DOI: 10.24412/2782-6139-2022-3-25-54

Введение

Целью данного исследования является историко-политологическое осмысление событий, предшествовавших Тере-хольскому восстанию 1932 г., а также непосредственно связанных с ним. Исходя из этого, перед автором стояли задачи поиска и анализа документов и материалов, проливающих свет на недостаточно изученные события в тувинской истории, определения внутренних предпосылок восстания, роли политических, экономических и социокультурных факторов. Автору важно было показать причинно-следственные связи, значение социально-политических трансформаций в рассматриваемый период.

Объектом исследования является внутривнутриполитическая ситуация в ТНР.

Предметом выступает вооружённое восстание в Тере-Холе в 1932 г.¹, его внутренние причины, социальный состав, ход событий, политические последствия и уроки выступления.

Степень изученности темы. Рассматриваемый вопрос является одним из наименее изученных в тувинской исторической литературе. В историографии весьма скудны сведения об участниках и подавлении Тере-Хольского восстания. Единственным исследованием, содержащим специальный раздел о вооружённых выступлениях в Туве 1930-1932 гг., в том числе в Тере-Холе, является «История Тувы» 2007 г. Авторы вышеуказанной работы пришли к выводу о том, что причинами вооружённых выступлений явились «беззакония и произвол власти ТНР в отношении представителей прежней политической элиты, чиновничества, духовенства, зажиточных аратов...» [История Тувы 2007, с. 194].

Так же немногочисленны документы, связанные с рассматриваемым событием. В краткой исторической справке внутри докладной записки о работе Министерства внутренних дел ТНР от 1 мая 1944 г.,

¹ Тере-Холь является труднодоступной пограничной окраиной Тувы. Как хошун был создан только в 1936 г. на основе Тере-Хольского сумона, в котором в тот момент проживало около 300 семейств численностью 2000 человек путем отделения от Каа-Хемского хошуна.

подписанной министром внутренних дел – комиссаром государственной охраны Н. Товариштаем², описана роль УГВПО-ВУОС-МВД «по вскрытию и ликвидации, возникающих в различных районах страны контрреволюционных (преимущественно повстанческих) очагов, создававшихся бывшими крупными феодалами, нойонами, теократами, чиновниками и прочими элементами, непримиримо относившихся к новому порядку вещей»³. Участие в ликвидации Тере-Хольского восстания являлось третьим после «вскрытия заговора под руководством Буяна-Бадырғы и теократа Дондука» и подавления восстания 1930 г. крупным мероприятием для УГВПО. Согласно справке, в 1932 г. УГВПО «активно участвовало в ликвидации контрреволюционного восстания в Тере-Холе и некоторых сумонах Тес-Хемского хошуна. В этот же период времени УГВПО ликвидировало несколько контрреволюционных групп, подготавливающих восстание на территории Улуг-Хемского, Дзун-Хемчикского, Барун-Хемчикского хошунов. В результате этих мероприятий было предотвращено расширение масштаба восстания и были созданы условия для его полной ликвидации»⁴. Из этих сведений вытекает то, что в 1932 г. протестная активность была характерна для южной, центральной, западной частей Тувы, но восстание и вооружённое столкновение возникло только в приграничном Тере-Холе.

В материалах Центральной избирательной комиссии при Малом Хурале, датированных 24 июня 1938 г., присутствуют сведения об отмене результатов выборов в Тере-Хольском хошуне из-за допущенных «политических и технических ошибок»: «Во-первых, считают, что в этом хошуне нет ни одного лишённого избирательных прав феодала и теократа, а только есть араты, обладающие (избирательными – *О.Н*) правами, однако на самом деле в хошуне есть настоящие ламы, руководители и участники контрреволюционного мятежа 1932 г., по решению суда лишённые прав на разные сроки... Во-вторых, в низовые органы власти выбрали тех, кто принимал участие в контрреволюционном мятеже 1932 г., якобы по причине того, что в хошуне нет никого, кто не принимал бы участие в нем, и что это – особое обстоятельство. В действительности же есть те, кто бежал под влиянием мятежников, но после вернулся; есть невинные араты, кто не присоединился к мятежникам, если даже присоединился, то под давлением, но позже оторвавшись от них, вернулся на родину» [Моллеров, Натсак, Самдан 2021, с. 74].

² НА РТ, ф. 1, оп. 1, д. 1600, л. 4.

³ Там же, л. 3.

⁴ Там же, л. 3-4.

Исходя из содержания данного документа, можно сделать несколько выводов: восстание в Тере-Холе произошло в 1932 г.; оно было достаточно массовым по участию жителей территории; последствием данного восстания является, как и в случаях восстаний 1924, 1930 гг., незначительное, но все же миграционное движение через тувинско-монгольскую границу; участники получили лишение политических прав; многие семьи имели возможность вернуться в родные места.

При написании настоящей статьи были использованы документы из фондов Национального архива Республики Тыва (НА РТ)⁵, научного архива Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва (далее – НА ТИГПИ)⁶, Российского государственного архива социально-политической истории (далее – РГАСПИ)⁷. Автор также опиралась на материал, собранный у местных информантов Тере-Хольским краеведом С. Ш. Хомушку.

В качестве базового метода были использованы системный метод, позволяющий рассмотреть Тере-Хольское вооруженное восстание как многофакторный феномен, а также исторический метод, с помощью которого развитие политического протеста и его трансформации проанализированы с учетом политического аспекта.

Новизна исследования заключается в том, что в тувинской историографии впервые предпринята попытка осмысления причин и условий, в которых произошло Тере-Хольское вооруженное восстание в 1932 г.

Внутриполитический аспект и причины восстания

Из значимых политических процессов, происходивших в 1930-1932 гг., можно выделить несколько: продолжившиеся чистки в ТРСМ и организациях; состоявшаяся конфискация имущества бывших феодалов; депортация бывших феодалов из родовых кочевий и мест жительства в другие районы; усиление антирелигиозной борьбы и элиминация экономического и политического влияния ламства; принудительная коллективизация аратских хозяйств и создание колхозов. Кратко рассмотрим эти процессы.

⁵ НА РТ, ф. 1, оп. 1, д. 1600; ф. 1, оп. 1, д. 275; ф. 92, оп. 1, д. 80; ф. 92, оп. 1, д. 104; ф. 92, оп. 1, д. 168; ф. 144, оп. 15, д. 20; ф. 144, оп. 15, д. 28.

⁶ НА ТИГПИ, д. 1291; д. 1294.

⁷ РГАСПИ, ф. 495, оп. 153, д. 46; ф. 495, оп. 153, д. 47; ф. 495, оп. 153, д. 48; ф. 495, оп. 153, д. 55; ф. 495, оп. 153, д. 61; ф. 495, оп. 153, д. 67; ф. 495, оп. 153, д. 68.

28 февраля 1931 г. Политбюро ЦК ТНРП было принято постановление о принципах конфискации имущества и скота у бывших феодалов и бывших чиновников. В июле 1931 г. были определены объекты конфискации и размеры экспроприации [Очерки истории 1975, с. 83].

Чтобы понять, как происходила конфискация имущества, посмотрим список лиц, чье имущество подлежало конфискации, составленный комиссией по Тес-Хемскому хошуну 1 июня 1931 г., но утвержденный затем не хошунным управлением, а хошунным комитетом партии. Всего в списке 56 человек. По социальным характеристикам в этот список вошли несколько категорий: родственники (сыновья и братья) бывшего нойона Талха-Сюрюна; бывшие чиновники и их сыновья (хошунный мейрен, участвовавший в контрреволюционных группировках с 1930 г.; сумонный чангы; сумонный мейрен; тусалагчи (тув. – дузалакчы); сын нойона; сын чалана; сын хунду; чагырыкчы). Таким образом, можно определить основания, по которым те или иные лица попадали в этот список: принадлежность к властной иерархии и властным институтам на местном уровне, которые давно (10 лет назад) ушли из политической практики; должность, которую ранее занимал отец; и род деятельности. Это было своего рода наказание за прошлые времена, которые давно канули в лету, но с прицелом на будущее – чтобы эти люди и их дети никогда уже не смогли восстановить свое прежнее влияние среди местного населения, и в перспективе иметь притязания на власть. Если посмотреть имущественное положение этих лиц, то наибольшее количество скота у них равнялось 227, наименьшее 10⁸. Таким образом, не все были богачами, многие имели по 20, 30 и даже 10 единиц бодо⁹.

О масштабах кампании свидетельствуют списки лиц, подлежавших конфискации, составленные соответствующими хошунными комиссиями. Только по Тес-Хемскому хошуну в списке бывших феодалов, подвергшихся конфискации, было 217 чел.¹⁰ С каким имуществом оставались подвергшиеся конфискации лица? У некоего Болаа родом из сумона Хаан-Когей, бывшего феодала, у которого конфисковали имущество, оставалось 3 бодо на семью из 2-х человек¹¹.

В 1931 г. по Тере-Хольскому сумону в список лиц, чье имущество подлежало конфискации, входило 13 человек: ламы, сын нойона, сын ламы, бывшие мейрен-чангы, хунду, шаман¹².

⁸ НА РТ, ф. 1, оп. 1, д. 275, л. 8, 9.

⁹ Бодо – единица крупного рогатого скота.

¹⁰ НА РТ, ф. 92, оп. 1, д. 80, л. 22.

¹¹ НА РТ, ф. 92, оп. 1, д. 80, л. 7.

¹² НА РТ ф. 144, оп. 15, д. 28, л. 4.

Всего по Туве в течение 1931 г. было конфисковано 18 578 бодо, разное имущество, ценности. 75 % конфискованного скота было передано аратам, беднякам, сельскохозяйственным объединениям, 15 % – новым госхозам и 10 % – нуждающимся аратам отдаленных хошунов. Пастбища, сенокосные угодья и зимние стоянки бывших феодалов были переданы аратам и коллективным хозяйствам [Очерки истории 1975, с. 84]. Хошуны составляли списки бедняков, получивших помощь из конфискованного имущества. Кроме этого, часть конфискованного имущества отправлялась отдаленным хошунам и сумонам с целью оказания им помощи. Так, по решению Совета Министров ТНР от 9 июня 1932 г. 60 тыс. тугриков из фонда конфискованного имущества были выделены в качестве помощи Тоджинскому хошуну и сумону Тере-Холь¹³.

Анализ реестров конфискованного имущества в разных хошунах ТНР показывает, что изымали из хозяйств не только скот, но и практически все виды бытовых предметов: утварь, включая посуду, ножи, конские принадлежности, а также одежду, украшения¹⁴.

Как указано в постановлении ЦК ТНРП об итогах проведения 10-летия ТНР №101 от 16 сентября 1931 г., к этому времени конфискация имущества была «успешно проведена и закончена»¹⁵. По итогам конфискационной кампании чуть ранее вышеупомянутого документа было принято постановление №100 от 12 сентября 1931 г. Стилистика данного постановления показывает, что партия использовала метод самокритики, указывая на крайности, допущенные в ходе конфискации, называя их «левацкими заскоками», в то же время призывала к борьбе с разными проявлениями правого уклона.

Это был крупнейший передел собственности в истории ТНР, который кардинально изменил социальную структуру тувинского общества, из которой исчезли экономический класс крупных собственников скота и социальный слой частных торговцев.

Конфискация имущества стала в Туве апогеем реализации тактики Коминтерна «класс против класса».

Следующим этапом классовой борьбы было намечено переселение бывших феодалов, которые уже подверглись изъятию имущества. В этом же постановлении ЦК ТНРП об итогах проведения конфискации имущества феодалов (№100 от 12 сентября 1931 г.) указывалось: «... Дать хошунам подробные указания об усилении массовой работы в хошуне, о развертывании борьбы против попыток экспроприированных

¹³ НА РТ, ф. 92, оп. 1, д. 104, л. 1.

¹⁴ НА РТ, ф. 92, оп. 1, д. 80, л. 42.

¹⁵ РГАСПИ, ф. 495, оп. 153, д. 68, л. 197.

феодалов, применяющих новые формы и методы борьбы после конфискации, решительной борьбы против проявления правого уклона на практике, правых настроений и взглядов, против левацких заскоков, требующих конфискации и байских хозяйств, указав на то, что такое требование в данное время является политически вредным и играет на руку классовым врагам. Поручить соответствующим организациям срочно наметить лиц, подлежащих к переселению (из числа феодалов, подвергнутых конфискации) внутри хошуна и выселению вне пределов данного хошуна. Одобрить решения Президиума ЦКК, связанные с партвызваниями и исключениями отдельных местных работников и членов партии за извращения ими партийной линии в период проведения конфискации и за смыкание с феодально-байскими и теократическими элементами»¹⁶.

Из материалов Центральной комиссии по конфискации движимого и недвижимого имущества феодалов и лам за 1931 г. видно, что после конфискации выселяли из родовых мест в другие хошуны как самих бывших феодалов, так и их сыновей, которые жили отдельно от отцов, имея свое хозяйство. Из Тере-Хольского сумона, например, в Баян-Кол был выслан Санчаа за то, что его отец был нойоном; в Сесерлиг был выслан Танчай – его отец был чагырыкчы¹⁷. Из южных границ, где находился в Тере-Хольский сумон, высылали достаточно далеко: Серээдер, который до 1921 г. был мейреном-чангы, был выслан в Өөк-Хем, Ханмаштай-чагырыкчы был выслан в Элегест¹⁸.

Переселение бывших феодалов внутри хошуна или за пределы хошуна, означало лишение их свободы выбора места жительства и тем самым лишало гражданских прав. Однако неконституционными эти действия также нельзя было назвать, так как в Основном Законе (Конституции) ТНР, принятом в 1930 г. были четко обозначены классовые основы государства, предполагавшие неравное положение, неравный объем прав граждан ТНР. Принципиально новой характеристикой государства по новой конституции, чего не было в предыдущих конституциях, становится то, что ТНР объявлялась государством трудящихся аратских масс, стремящихся на основе диктатуры трудящихся аратских масс к обеспечению некапиталистического развития страны и осуществления социализма»¹⁹. В ст. 2 этой конституции было прописано, что «Консти-

¹⁶ РГАСПИ, ф. 495, оп. 153, д. 68, л. 185.

¹⁷ НА РТ, ф. 92, оп. 1, д. 80, л. 7.

¹⁸ НА РТ, ф. 92, оп. 1, д. 80, л. 7.

¹⁹ Основной Закон (Конституция) ТНР 1930 г. / Конституции Тувы 1921-1993 гг.: сборник к 55-летию принятия Тувы в состав СССР и РСФСР / сост. В. А. Дубровский. Кызыл: Тувинское книжное издательство. С. 49.

туция Тувинской Аратской Республики имеет своей целью гарантировать диктатуру трудящихся аратских масс в целях подавления феодалов, теократов и уничтожения всякой эксплуатации человека человеком»²⁰. Таким образом, на уровне Основного Закона (Конституции) государства были закреплены принципы дифференцированного правового положения граждан и подавления одних классов, их экономических и политических интересов другим. Это был новый для Тувы вид политического неравенства. Конституция 1930 г. закрепила норму о том, что Тувинская Аратская Республика лишает отдельных лиц и отдельные группы прав, «которыми они пользуются в ущерб интересам аратской диктатуры»²¹.

Кроме того, составлялись списки тех, кто подлежал особому обложению налогами. Так, по Тере-Хольскому сумону таковых было 19 человек, среди которых шаманка, ламы, жены тех, кто был лишен прав, сами «лишенцы»²².

В обществе, которое за короткий срок должно было трансформироваться по этой политико-экономической схеме, несогласие и недовольство достигли критической точки и вылились в крайнюю форму политического протеста – вооруженное восстание и бегство – вынужденную эмиграцию.

Молодой человек крутит молитвенный барабан.

Локация восстания 1932 г., на наш взгляд, является не случайной, так как после восстания на Хемчике 1930 г. для армии и УГВПО западная Тува могла стать зоной особого внимания для принятия превентивных мер. Полагаем, что отдаленность территории затрудняла контроль со стороны центра, а также пограничное положение Тере-Холя, близость к монгольским очагам восстаний (Хубсугульское восстание) стали определяющими в событиях 1932 г.

Гонения на лам и антирелигиозная политика – этот вопрос, как и в 1930 г., сыграл немаловажную роль в протестных настроениях. Рассмотрим динамику изменений за 1930-1932 гг. К 1932 году практически полностью были

²⁰ Там же, с. 50.

²¹ Там же, с. 51.

²² НА РТ, ф. 144, оп. 15, д. 20, л. 1.

подорваны основы экономического и политического влияния церкви в ТНР²³. Из 22 существовавших в 1926 г. хурээ в 1932 г. осталось только одно действующее хурээ – Самагалтайское. Как потом позже в 1934 г. признавалось в докладе ЦК ТНРП, направленном в ИККИ, «В 1932 году остался только один монастырь с 15 ламами. До 1932 года в ламском вопросе нами допускались левацкие ошибки, заключающиеся в административной борьбе против ламства и религии (отобрание предметов религиозного культа у населения, растаскивание имущества монастырей, зажим лам всяческими способами)»²⁴.

Надо отметить то, что хурээ, находившееся в Тере-Хольском сумоне, по количеству постоянно проживавших и закрепленных лам, а также по количеству учеников не был мелким. Всего там было 50 лам, из них 30 постоянно проживало в монастыре, 20 – в юртах, 15 учеников. Из 22 хурээ, существовавших в Туве в 1928-1929 гг., в 11 монастырях лам было меньше 50 человек.

Если в 1932 г., как указывают документы, осталось одно действующее хурээ, то можно предположить, что Тере-Хольское хурээ к этому времени уже не функционировало. Исходя из количества лам, которые ранее находились при этом хурээ в условиях маленького сумона, можно предположить, что они представляли собой достаточно серьезную силу. Ламы могли не проявлять открытого недовольства государственно-партийной политикой до определенного времени, но находиться в парадигме прежнего времени и искать возможности его возврата.

*Сохранившийся фрагмент деревянной конструкции
буддийского дугана в Тере-Хольском сумоне*

²³ Повторное открытие хурээ в Туве начнется в 1934 г. после признания политических ошибок, допущенных партией и властью в ТНР в 1930-1932 гг., но это продлится недолго.

²⁴ РГАСПИ, ф. 495, оп. 153, д. 48, л. 93.

Вопросы коллективизации рассматривались в июле 1930 г. на пленуме ЦК и ЦКК партии. Исходя, скорее всего, из тех ошибок, которые были допущены на начальном этапе, и, возможно, после анализа обстоятельств Хемчикского восстания 1930 г., пленум рекомендовал самые простые формы товариществ по совместной закупке машин (машинные товарищества), племенных производителей, простейшие животноводческие товарищества и товарищества по совместной обработке земли (ТОЗ). Было указано на недопустимость нарушения принципа добровольности вступления в коллективные хозяйства [Очерки истории 1975, с. 86]. С такими оговорками процесс коллективизации аратских хозяйств был продолжен. К июлю 1931 г. в ТНР было создано 192 коллективных хозяйств, прошел первый съезд колхозников. Управление колхозным движением было институционально оформлено в виде Колхозцентра. В мае 1931 г. Восточный секретариат ИККИ предупреждал об отсутствии условий для сплошной коллективизации [Там же, с. 86-88]. Вместе с тем, в Туве в 1931-1932 гг. была развернута сплошная коллективизация, которая шла в разрез с интересами хозяйств разных групп населения.

Рассматривая внутривнутриполитическую обстановку в ТНР того времени, необходимо указать на тот факт, что партия как политический орган начинает осуществлять социальный контроль над частными межличностными контактами членов партии, пытаясь запретить коммуникации, даже родственные, с «классово чуждыми элементами». Волевыми решениями можно было поделить общество на классы, каким-то классам дать больше прав, какие-то классы лишить определенных прав. Но такое деление носило на уровне межличностного взаимодействия искусственно-формальный характер, а устоявшиеся социальные связи, в том числе родственные, продолжали существовать. Об этом свидетельствуют факты разбора персональных дел членов ТНРП в 1931 г. Например, постановлением Президиума ЦКК ТНРП от 10 октября 1931 г. было принято решение об объявлении строгого выговора и снятии с работы редактора газеты «Шын» Манлая, отец которого был монастырским хунду, за то, что Манлай бывал в гостях у бывших феодалов и обращался за лечебной помощью к ламе, «когда под боком находилась государственная больница»²⁵. Или случай, когда Тапыту, члену АРП, учившемуся 3 года в КУТВ, председателю Союза горняков объявили строгий выговор за то, что он «во время пребывания в отпуске в Тес-Хеме бывал в гостях у феодала Тогаа; при родах жены приглашал знахаря-феодала, живя рядом с больницей, в настоящее

²⁵ РГАСПИ, ф. 495, оп. 153, д. 47, л. 74.

время живет совместно с отцом-феодалом (Мейрен-хунду, лишенцем) и содержит его»²⁶. Эти факты свидетельствуют о насильственном расколе внутри общества и семейно-родственных отношений, о движении партийно-государственных структур в сторону репрессивной модели.

Такой была внутривластная обстановка в Туве накануне возникновения Тере-Хольского восстания в 1932 г., в совокупности эти факторы рождали в обществе ропот и неприятие.

Применительно к Тере-Хольскому восстанию, учитывая малочисленность населения, географическую удаленность от центра и труднодоступность, можно сказать, что для жителей данного хошуна из перечисленных политических событий актуальны были лишь те, которые затрагивали жизненные интересы ламства, зажиточной части населения и аратов. Это – вопросы собственности: конфискация имущества и переселение феодалов в другие хошуны, коллективизация хозяйств аратов и гонения на лам, антирелигиозная политика в целом.

В Туве после восстания на Хемчике 1930 г. представители духовенства не отказались от агитационной, политической активности, результатом чего явились появление в 1931-1932 гг. других очагов скрытой напряженности и открытых антипартийных, антиправительственных выступлений.

В октябре 1931 на заседании Политбюро ЦК ТНРП докладывал начальник УГВПО ТНР Пульчун, по итогам его выступления было принято постановление Политбюро №106 от 6 октября 1931 г. Примечательным является то, что в постановлении отражена попытка интерпретировать внутривластные процессы, связанные с антиправительственной, антипартийной деятельностью гонимого в политическом и экономическом плане класса, в более широком, международном контексте, прежде всего, увязать с действиями Японии. В тот период военная активность Японии на Корейском полуострове и в Китае (Маньчжурии) представляла реальную угрозу Монголии, через нее и Туве. «Молодые офицеры», приверженцы экспансионистской политики в Японии, достигли своей цели, когда в 1931 г. Япония начала оккупацию Маньчжурии и в 1932 г. создали марионеточное государство Маньчжоу-го во главе с Пу И, последним китайским императором [Васильев 1994, с. 224].

В связи с военной активностью Японии в Манчжурии Восточный секретариат Коминтерна направил письмо IX съезду ТНРП, который проходил с 20 февраля по 10 марта 1932 г. Исходя из международной ситуации, были выделены угрозы и вызовы для ТНР: «Захват Манчжурии

²⁶ Там же.

японцами угрожает Монгольской Народной Республике. Угроза порабощения Монголии является в то же время угрозой порабощения Тувинской Народной Республики и превращения трудящихся аратов, строящих свое народное хозяйство и национальную культуру, непрерывно поднимающих свое материальное благосостояние, в рабов японского империализма. Опасность интервенции вызовет оживление надежд клерикально-феодалных реакционных сил в Туве, которые являются внутренним резервом интервенционистов. Все это требует особой бдительности трудящихся Тувы» [См.: Натсак 2020, с. 117].

Как японская агрессия в Маньчжурии могла влиять на ситуацию в Туве? Идея создания панмонгольского государства под контролем Японии возникла после начала событий Синьхайской революции в Китае. Как утверждает Наками Татсуо, в 1920-е гг. в некоторых японских источниках появились упоминания о том, что японская экспансионистская группа совместно с маньчжурскими и монгольскими партнерами нацелилась на создание маньчжурско-монгольского марионеточного государства под контролем Японии. Интрига получила название «Движение за независимость Ман[чжурии]-Мо[нголии]» [Tatsuo 2003, p. 93]. Проект «Ман-Мо» имел два этапа – 1911, 1916 гг., смысловые акценты менялись. Однако реализован он был в несколько ином виде только в 1932 г. в виде непризнанного государства Маньчжоу-го, и включал в своем составе этнических монголов наряду с китайцами. Японцы пытались привлечь монголов центральных и западных областей Внутренней Монголии идеей большого независимого монгольского государства. Имеет место быть мнение о том, что с Маньчжоу-го связывались надежды вывести Внешнюю Монголию (МНР) из орбиты советского влияния [Imperial Japan 2003, p. 12].

Исследователи указывают и на другое название плана японцев по созданию аналогичного Маньчжоу-го государства в виде объединенной Монголии под названием Монголо-го: «Идея Токио заключалась в объединении МНР с китайскими провинциями Внутренней Монголии в одно марионеточное государство. Конечной целью этих трансформаций виделось образование «маньчжуро-монгольской империи», то есть возвращение Внешней Монголии под власть маньчжурских правителей, как это было с конца XVIII до начала XX в. это образование должно было стать новым материковым владением Японии» [Системная история 2006, с. 248]. В этом контексте мы не должны забывать о том, что Тува также была составной частью Цинской империи.

В случае нападения на Монголию, непосредственная военная угроза коснулась бы не только Тувы, но и советской территории. В этой связи

у Коминтерна и у руководства ТНР была настороженность по поводу возможного влияния японской активности на группы недовольных внутри тувинского государства.

Каналы распространения нежелательной информации связывали с иностранцами, проживавшими на территории ТНР, в основном с японскими подданными – корейцами, китайских торговцев к тому времени вытеснили из Тувы.

Рассмотрим выдержку из постановления Политбюро ЦК ТНРП №106 от 6 октября 1931 г. по итогам доклада начальника УГВПО Пульчуна: «Опыт борьбы с контрреволюцией за текущий 1931-й г. показал, что ламство, ушедшее из хурээ и расселившееся по худонам, прикрывшись трудом худонского арата, особенно активно начало проявлять свою контрреволюционную деятельность. Во всех раскрытых контрреволюционных группировках ламы занимали солидное место, а в отдельных случаях (Кундергейская²⁷ контрреволюционная организация), играли главную организующую и руководящую роль. В связи с последними военными событиями в Китае – оккупацией японскими военными силами Внутренней Монголии и приближение их к границам Внешней Монголии, феодало-байский и ламский контрреволюционный элемент неизбежно использует эти события в интересах своей контрреволюционной работы, направляя ее в сторону поднятия настроения в своей среде и деморализации аратства. Это подтверждается тем, что за последнее время политическая активность контрреволюционного элемента в этом направлении усиливается посредством распространения всевозможных провокационных слухов о неизбежности скорого прихода японских войск и ликвидации существующего в Монголии и ТАР²⁸ строя. Причем отмечается, что распространение этих провокаций исходит главным образом от японских подданных корейских граждан и китайцев, проживающих на территории ТАР»²⁹.

Из этого же постановления по итогам доклада начальника УГВПО Пульчуна можно сделать вывод о том, что география политического недовольства проводимой политикой партии и правительства расширяется. Если локации выступлений 1924 г. были на Хемчике, 1930 г. – в Западной и Центральной Туве, то в 1931 г. возникают очаги в Южной Туве. «Практика работы органов по борьбе с контрреволюционными

²⁷ Хондергей – сумон Дзун-Хемчикского хошуна, на территории которого вспыхнуло восстание 1930 г.

²⁸ ТНР.

²⁹ РГАСПИ, ф. 495, оп. 153, д. 46, л. 219 (2 об.) - 220.

элементами страны за текущий 1931 год говорит о значительных достижениях в области профилактических (предупредительных) мероприятий в этом направлении, о чем свидетельствуют своевременные и решительные мероприятия по раскрытию и ликвидации Улуг-Хем-Тесгольской³⁰ феодально-байско-ламской контрреволюционной организации, ставившей своей целью вооруженное восстание для свержения аратской диктатуры и реставрации феодально-теократического режима»³¹.

В докладной записке УГВПО для представления в ЦК АРП и Правительство ТНР от 15 августа 1932 г. сообщалось о том, что «на протяжении последних двух лет, страна пережила два крупных контрреволюционных вооруженных выступления (Хемчикское – март 1930 г. и Подхребтинское – апрель 1930 г.), за это время раскрыты две контрреволюционные повстанческие организации (Тес-Хемская в 1931 г. – 120 человек, и Подхребтинская в 1931 – 8 чел.)»³².

Эти данные говорят о том, что восстания 1930 и 1932 гг. – звенья одной цепи, что предпринимались в разных местах попытки сопротивления новым социальным, политическим и экономическим практикам, которые затрагивали жизненные интересы всех слоев населения, не только тех, кто был элитой тувинского общества до 1921 г. Недовольство выражало не только тувинское население и граждане ТНР, но и колония советских граждан – в этот же период имели место быть так называемые «кулацкие восстания», после которых участники восстания, которые являлись советскими гражданами из РСТК были отправлены отбывать наказание по суду за пределы ТНР, кто-то был приговорен к высшей мере наказания. В вышеупомянутой докладной записке УГВПО ТНР перечислялись эти меры: «Разгром (физический) ламства; внутрихошунное переселение феодальных элементов включительно до конфискации их имущества; выселение из пределов республики русского контрреволюционного элемента и кулачества³³; ликвидация самоуправления РСТК»³⁴.

В череде этих событий произошло Тере-Хольское восстание. По оценке УГВПО, за восстанием стояло нежелание бывшей элиты мириться с изменением своего положения в обществе. «Феодально-теократические элементы и байские элементы, будучи лишены политической жизни

³⁰ Тесгольский – тув. Тес-Хемский.

³¹ Там же.

³² РГАСПИ, ф. 495, оп. 153, д. 55, л. 31.

³³ Выселение шло не семьями, а индивидуально.

³⁴ РСТК – Русская самоуправляющаяся трудовая колония в ТНР, находившаяся под советской юрисдикцией.

и ущемлены экономически, потеряли перспективу возврата своего господствующего положения мирным путем и начинают оказывать упорное сопротивление, становясь на пути скрытой, а местами (Тере-Холь сумон) открытой борьбы с аратской диктатурой»³⁵.

Сведения о восстании

Начало восстания – апрель 1932 г., конец восстания – по информации УГВПО «бандформирование было ликвидировано к 15 августа 1932 г.»³⁶. Территория восстания – Тере-Холь, Качык, Сайгал, Сайгал-Аксы, Сарыг-Домун, Шавар-Хараал, Качык-Хараал [История Тувы 2007, с. 194]. Однако, по сведениям информантов С. Ш. Хомушку, остатки повстанцев были полностью разбиты только зимой 1932 г.

В «Истории Тувы» описан факт, согласно которому активную роль в организации вооруженного выступления сыграл монгольский лама Тунче, живший в тех местах. Он написал на полотне воззвание: «Надо уничтожить темную власть. Помогите войскам Далай-Ламы. Не жалея скота!». В Шавар-Хараале и Качык-Хараале зажиточные араты и ламы в один голос стали твердить: «Нам-торе душкен» («Власть партии низложена») [Там же, с. 193]. 7 июля 1932 г. центральной властью ТНР туда был направлен кавалерийский эскадрон под командованием Хертека Шилги-Бызаа, к которому присоединились более ста добровольцев из Танды, Тес-Хема, Каа-Хема и Улуг-Хема. Убито было 78 повстанцев, на поле боя остались два пулемета, более ста винчестеров и кремниевые ружья. Остатки повстанцев бежали в Монголию [Там же, с. 193].

Ввиду недоступности или отсутствия архивных документов, проливающих свет на ход самого восстания, в качестве дополнительного фактологического материала рассмотрим версию событий, собранную краеведом С. Ш. Хомушку у информантов в Кунгуртуке в 1966 г.³⁷:

«В 1931 г. в сумоне Тере-Холь было решено организовать три колхоза: «Карл Маркс», «Пламя революции» «Путь в коммунизм». Было принято решение строить школу в центре колхоза «Карл Маркс». Араты заготовили древесину, была проведена опись скота, переданного аратам колхоза, работа началась. Меня избрали поваром. Повстанцы приехали в Кунгуртук, и окружили нас, когда мы работали, захватили 10 человек, которые строили школу, начали избивать. Мы спрятались, однако,

³⁵ РГАСПИ, ф. 495, оп. 153, д. 55, л. 30.

³⁶ РГАСПИ, ф. 495, оп. 153, д. 55, л. 31.

³⁷ Рукопись со сведениями информантов была составлена С. Ш. Хомушку на тувинском языке и была передана автору. На русский язык перевела О. Д. Натсак.

используя острые палки, они вытащили нас из укрытия. Трех человек, которые руководили стройкой школы, Сарыг Баазана, Адыя, Дугера, зверски убили, убили сына Арапсала, который помогал на стройке. Остальных погнали в сторону Хол-Бажы, по дороге Сумуя сбежал и сообщил о разбойниках армейцам и населению. Из-за восстания этих разбойников колхозы были распущены правительством».

«Получив вести о восстании в Монголии, председатель сумона Нуур (Тере-Холь – О.Н.) Кунчун чангы бежал в Монголию, присоединился к монгольским повстанцам, и вернулся с ними сюда в начале мая. В то время жители Тере-Холя численностью 20 орег (домохозяйств) объединились, чтобы перейти на оседлый образ жизни, обучать своих детей. Когда мы почти были близки к завершению строительства школы, пришли повстанцы. Основной костяк повстанцев составлял около 40 человек, ездили по Сайгалу, Балыктыгу, Шивилигу, тревожа местное население».

Мятеж начался в Сайлыг-Хеме, в местечке у левого притока реки Сайлыг. Оттуда через Алдыы-Балыктыг мятежники прибыли в Шынаа. Для подавления мятежа был отправлен отряд революционных армейцев в количестве 30 человек. Командиры: Шилги-Бызаа, Серен, Сталин, Сарыг-оол, представитель ЦК (ТНРП – О.Н.) Пульчун, писарь-армеец Оюн Мунзук. Часть отряда прибыл через Эрзин, верх по Нарыну в Качык, Сайгал, Шынаа. Вторая часть прибывала в Шынаа через Хостааи, Термис и Балыктыг. Монгольские солдаты стояли в Сайлыг-Хеме и Коргурээ».

«Кыргыс Томур (1901ч.-1952 гг.) – председатель сумона Балыктыг, был связным между тувинскими и монгольскими армейцами. Однажды командир революционной красной армии Серен Кужугет дал задание довести до монгольских военных секретное письмо. В этих окрестностях была стоянка повстанцев, а монгольские армейцы находились далеко вглубь, на самой границе. Когда спускался вниз по Хос, вышли два вооруженных человека. Оказалось, что это караульные мятежников (судя по всему, монгольских – О.Н.). Он быстро спрятал письмо в носки. Мятежники, увидев одного тувинца, начали бить его, допрашивая, кто он и откуда. Он ответил, что ищет своих лошадей. Но это не подействовало, караульные мятежников избили его до потери сознания. Когда он очнулся, он лежал один, весь в крови, лошади его не было. Быстро пощупал письмо, оно оказалось на месте. Пешком дошел до монгольских военных и передал письмо».

«В том мятеже приняло участие 30-40 человек, во главе –

председатель сумона Нуур–Кунчун, а также араты, которых либо уговорили, либо заставили. Мятежники, прибыв сюда, не оставили ни одного мужчины, кого-то они убили, кого-то заставляли примкнуть к ним. В некоторых аалах семьи отвозили своих несовершеннолетних сыновей к монголам и прятали у них, немало тех, кто именно так спас жизни сыновей. Они живы и сейчас, помнят эти страшные события как вчера. Однако они боятся называть чьи-либо имена, остался страх от слова «контр» после мятежа.

Время было ближе к осени, революционная армия подошла к Шынаа. Рано утром на Артаг-Оораше они застали спящим у скалы караульного, которого схватили. Он указал, где прятались остальные 27 человек. Кто-то бежал, кого-то схватили. Оказалось, что порох, пули к ружьям закончились, лошади истощены. Это были остатки тех, кто бежал сюда, когда закончилась провизия, порох после перестрелки с революционными армейцами в местечках Шивилиг и Ийи-Дыттыг. Некоторое количество мятежников бежало в свои аалы, это были в основном безоружные араты, которых заставили присоединиться к мятежу. Предводитель этой группы Кунчун чангы был схвачен. Наступила холодная зима 1932 г. Выполняя задания партии и правительства, часть военных во главе с Шилги, Пульчуном, Ханды-Сурун выбыли из Тере-Холя через Балыктыг. Когда выпал снег, армейцы окружили мятежников и разбили. Кто-то был схвачен, кому-то удалось сбежать в тайгу. Было объявлено, что тот, кто был обманным путем привлечен к мятежу по своей темной отсталости, может мирно возвращаться в свои аалы. Когда наступили холода, таковые вернулись в свои кочевья. Среди них была проведена агитационно-разъяснительная работа.

В местечке Сайлыг-Хем Сайгала тувинские и монгольские военные окончательно разбили монгольских и тувинских мятежников. Кунчун чангы был приговорен к 8 годам тюремного заключения, умер в 1964 г. в Кунгуртуке.

В мятеже главную роль играли бывшие чиновники и ламы, попавшие под влияние монгольских лам»³⁸.

Из этих сведений можно сделать несколько выводов: в отличие от Хемчикского восстания 1930 г. окончательное подавление Тере-Хольского повстанцев было более продолжительным по времени; в ходе восстания не были схвачены представители органов местной власти или члены партии, не было озвучено политических заявлений и лозунгов,

³⁸ Использованы сведения, сообщенные С. Ш. Хомушку информантом Баян-Хоо Хертеком, который участвовал в строительстве школы и был схвачен повстанцами.

кроме призыва к уничтожению «темной власти и помощи войскам Далай-Ламы»; повстанцами были убиты организаторы строительства школы, олицетворяющей новый жизненный порядок; активным участником восстания был бывший сумонный чангы Кунчун; тувинские повстанцы, как и армейцы, прибывшие для подавления восстания, имели каждые свои связи на монгольской территории.

Подавление восстания в мае 1932 г. называлось в докладе УГВПО как «операцией по изъятию контрреволюционного элемента в приграничной южной полосе в связи с событиями Монголии»³⁹. Сообщалось, что за время этой операции в 1932 г. было вскрыто и ликвидировано шесть контрреволюционных группировок и организаций повстанческого характера, в то время как в 1930 и 1931 гг. – только две⁴⁰. Как докладывал секретарь ЦК ТНРП Иргит Шагдыржап в ИККИ 5 мая 1932 г.: «В связи с событиями в Монголии УГВПО ТНР строго контролирует ситуацию на границе. Всего нами поймано и заключено под стражу 126 феодалов, лам, баев (Улуг-Хем – 31, Тес-Хем – 29, Барун-Хемчик – 27, Чөөн-Хемчик – 20, Каа-Хем – 19). Создали центральный орган борьбы с внутренними вооруженными классовыми врагами, возглавляет его Чурмит-Тажы, входят в него из ЦК ТНРП Тока, командир Серен, руководитель УГВПО Сенгиижик, секретарь райбюро ВКП(б) Коновальчик, советники Конюшевский, Максимов»⁴¹.

Данное восстание показало то, что партийно-государственные органы ТНР не имели на тот момент существенного политического влияния на Тере-Холе, возможно, в силу отдаленности, пограничного положения, транспортной недоступности, следовательно, и соответствующего контроля не было со стороны центральных органов. Более того, в записке УГВПО указывалось на то, что руководящие работники и активисты в Тере-Холе сами примкнули к восстанию. «В отдаленных (особенно приграничных) сумонах до сих пор продолжает оставаться сильным родовое влияние. Низовой госаппарат, партийные и РСМ⁴² ячейки, вместо мобилизации революционного внимания аратской массы на борьбу с контрреволюционным элементом, зачастую бездействуют, а отдельные руководящие работники и активисты плывут в массе общих нездоровых и контрреволюционных настроений или сами становятся на путь активных контрреволюционных действий, как это имело место

³⁹ Там же. Л. 31.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ НА ТИГПИ, д. 1291, л. 10-11.

⁴² РСМ или ТРСМ – Тувинский революционный союз молодежи.

в мае 1932 г. в Тере-Хольском сумоне, когда председатель сумона и секретарь партийной ячейки демонстративно покинули совещание, на котором обсуждался вопрос о переселении феодалов. Член Малого Хурала открыто вел контрреволюционную работу среди аратов. В Качык сумоне три секретаря РСМ ячеек и некоторые активисты ячеек АРП, в период напряженной обстановки, открыто занимались распространением провокационно-пораженческих слухов»⁴³.

Таким образом, эти оценки указывают на тот факт, что на низовом уровне власти и в политических структурах, как ячейки ТРСМ и ТНРП, не было лояльности и поддержки установившейся власти и ее политическому курсу, что показывает глубину развернувшегося социального конфликта внутри тувинского общества.

Социальный состав участников, персоналии

Как выше отмечалось, в пределах сумона Тере-Хольское восстание отличалось массовым участием жителей. Данное предположение подтверждается и данными из записки УГВПО ТНР, согласно которой «почти поголовно основная аратская масса Тере-Хольского и Качыкского сумонов была втянута в контрреволюционное движение»⁴⁴.

Таким образом, социальный состав участников охватывал все слои общества: не только бывших феодалов и лам, которым отводилась роль организаторов и руководителей восстания, но и аратов, а также партийно-ревсомольских работников, представителей местных органов власти, которые должны были на местах защищать, продвигать новые ценности и новые порядки.

Известно, что в Тере-Хольском восстании участвовали бывший чангы⁴⁵ Делик-Кунчул⁴⁶, кешпи⁴⁷ Шомпатык, Менди, Шондан-Маадыр, которые осенью 1931 г. начали работу агитационного характера, направленную против власти [История Тувы 2007, с. 193]. В «Истории Тувы» отмечено, что эти лица установили связь с монгольскими повстанцами⁴⁸.

Основным инструментом вовлечения в восстание также послужило распространение «провокационно-пораженческих» слухов. «В середине

⁴³ РГАСПИ, ф. 495, оп. 153, д. 55, л. 31.

⁴⁴ РГАСПИ, ф. 495, оп. 153, д. 55, л. 32.

⁴⁵ Чангы (дзанги) – титул цинского периода, которым называли начальника сумона, ведавшего отношения своего сумона с другими, отвозил собранную подать амбын-нойону.

⁴⁶ По сведениям, которые были собраны С.Ш. Хомушку у информантов, его имя было Кунчун.

⁴⁷ Кешпи (геше) – монашеская ученая степень буддизме.

⁴⁸ Там же

февраля 1932 г. к Томуру, председателю Тере-Хольского сумона, пришел Шомпатык и стал пересказывать ему слухи о том, что страна русских захвачена германскими и английскими ханами (королями), Москва давно сгорела, Хем-Белдири (Кызыл) занят белогвардейцами, на Хемчике Даа-нойон установил старые порядки, красные войска разбежались» [Там же].

Наибольшую социально-политическую опасность для власти ТНР и даже после подавления восстаний продолжали представлять ламы. По нашему мнению, в подобном восприятии лам в качестве внутреннего врага было несколько субъективных оснований. Во-первых, любая религиозная деятельность предполагает практику убеждения и привлечения на свою сторону людей. Ламы были образованными людьми, знали психологию воздействия на людей, а практика философских диспутов формировала навыки аргументированного убеждения. С этой точки зрения новая власть в работе с населением технологически проигрывала ламам. Не случайно в документах отражены разные слухи как толчок к началу повстанческих действий – представители религии знали о внутренних страхах и пружинах аратов, методах воздействия на эмоциональное состояние людей, умели использовать еще не изжитую религиозность тех же партийно-ревсомольских деятелей, которые перешли на сторону сопротивления. Каналы коммуникаций духовенства, впрочем, и бывшего чиновничества, выходили за пределы тувинского государства, связи, в том числе в Монголии, были сформированы еще с цинских времен, и продолжались до 1921 г. В этой связи ламы рассматривались как существующая и потенциальная опасность. Считалось, что «наиболее опасным элементом на данном отрезке времени является ламство, которое формально будучи разгромлено, но не разбито идейно и не уничтожено физически. Они составляют не менее 7-8% всего населения, несмотря на то, что с хурээ ушли и перешли в светское состояние, продолжают в скрытой форме вести свою контрреволюционную работу среди аратов»⁴⁹. Именно эти оценки объясняют дальнейшую логику политических событий, в результате которого из социальной структуры тувинского общества (почти) исчезнет целая страта, состоявшая из лам и шаманов, и активная религиозная деятельность вплоть до конца 1980-х гг.

Монгольские параллели и трансграничный характер восстания

Восстание в Тере-Холе имело монгольские параллели.

В Монголии с апреля по июль 1932 восстания вспыхнули в разных районах Монголии: Хубсугульском, Архангайском аймаках, на

⁴⁹ РГАСПИ, ф. 495, оп. 153, д. 55, л. 32.

Алтае, Южной Гоби, Дариганге, затем перешли в Убурхангайский и Дзабханский аймаки [Монголия в документах из архивов 2019, с. 335].

Как указывалось в рапорте от 8 августа 1932 г. члена Революционного военного совета МНРА⁵⁰ и начальника политуправления МНРА Д. Улзийбата о работе особого отряда по подавлению контрреволюционного восстания в западных районах, «отмечался большой подъем и решительность в лагерях банды, а также массовое привлечение аратов на их сторону в результате неудачных боев партизанских отрядов...». Описывая бой в местности Гичгений-гол, он сообщал, что «при помощи аэроплана, пушек, танкеток, пулеметов и других родов оружия разбили банду Дамдинсурена и главкома Дэндэва, численностью около 600 человек» [Монголия в документах из архивов 2019, с. 354].

По оценкам С.Л. Кузьмина и Ж. Оюунчимэг, по своему характеру это было гражданской войной [Кузьмин, Оюунчимэг 2015, с. 47]. Согласно данным, приведенной в статье указанных авторов, в восстании 1932 г. в Монголии принимало участие 70 % населения пяти самых населенных аймаков МНР, погибло 8-10 тыс. человек [Там же, с. 61].

УГВПО ТНР располагало достаточно подробной оперативной информацией о событиях в приграничных районах Монголии: о боевых действиях между монгольской народной армией и повстанцами, количестве повстанцев, имеющемся у них оружии⁵¹. В информации УГВПО ТНР от 22 мая 1932 г., к примеру, имеются сведения о том, что «мятежники из хошунного хурээ Дэлгэр-Хан-Ула аймака разбиты в результате двухдневных боевых действий, из них по 20-25 человек бежали на границу с Тувой (гора Асса-Хол)»⁵².

Как и в случае с восстанием на Хемчике 1930 г., восстание на Тере-Холе в 1932 г. имело трансграничный характер, по оценкам УГВПО ТНР наблюдались «попытки увязаться идейно и организационно с контрреволюционным и правым элементом в Монголии; организация эмиграционного движения в Монголию, и это касалось почти всех сумонов южной пограничной полосы»⁵³.

Более того, по оперативным сведениям УГВПО ТНР, участники Тере-Хольского восстания и бежавшие из Монголии повстанцы какое-то время находились в одном лагере. Так, в информации данного органа от 15 июля 1932 г. о принятии агентурных и оперативных мер сообщалось, что «повстанцы, которые были в местечке Балыктыг в течение последних

⁵⁰ МНРА – Монгольская народно-революционная армия.

⁵¹ НА РТ, ф. 92, оп. 1, д. 168, л.

⁵² НА РТ, ф. 92, оп. 1, д. 168, л. 17.

⁵³ РГАСПИ, ф. 495, оп. 153, д. 55, л. 32.

нескольких дней, не более 40-45 тувинцев, разошлись и разъехались по домам, основное ядро повстанцев из Монголии в 12-13 числах этого месяца вернулось в Монголию. Впоследствии в Монголии в местечке Булакай они объединились с белогвардейцами, от тувинской границы 40-50 км, со стороны Тере-Холя 150-200 км. Общее количество мятежников там достигает 600-700 чел. хотя красноармейцы Монголии раздавили их, костяк 30-40 человек оторвались, бежали по реке Тес-Хем. Их преследуют»⁵⁴.

В отличие от событий 1930 г., когда преследуемые армейцами тувинские повстанцы бежали в Монголию, в 1932 г. на территорию Тувы заходили и уходили обратно монгольские повстанцы.

Тере-Хольское восстание 1932 г. в Туве по сравнению с монгольскими очагами было локальным, и не имело таких масштабов, как в соседней стране, но с точки зрения сопротивления государственно-партийной политике было чрезвычайным внутривнутриполитическим событием.

Учитывая повстанческую активность в Монголии и мятеж в Тере-Холе, УГВПО в 1932 г. более внимательно начало отслеживать настроения в других хошунах, выявлять угрозы государственным интересам со стороны кокретных лиц. Исходя именно из необходимости принятия превентивных мер, как мы полагаем, в мае 1932 г. планировалось арестовать в Улуг-Хемском хошуне 30 человек, в Дзун-Хемчикском – 19. 3 июля 1932 г. из этих хошунов, а также из Барун-Хемчика в Кызыл повезли арестованных⁵⁵. В Тес-Хеме были организованы 2 группы по 15 человек – одна группа состояла из местных партийцев, вторая – из числа армейцев. Эти группы направились в Тере-Холь⁵⁶.

Политические итоги Тере-Хольского восстания

Выводы относительно политики, проводимой ТНРП в 1929-1932 гг., были сделаны в 1933 г.

На II объединенном пленуме ЦК и ЦКК ТНРП, состоявшемся 22-28 октября 1933 г., многие партийно-государственные деятели признали свои ошибки. Полат, руководивший тогда хошунным комитетом ТНРП сказал следующее: «Наша главная ошибка – в попытке перепрыгнуть ступень, которую мы не прошли. Административным методом мы создали много колхозов. В 1932 г. мы заставляли аратов продавать свой скот. Араты, которые сдали скот, до сих пор не получили оплату за них,

⁵⁴ НА РТ, ф. 92, оп. 1, д. 168, л. 27.

⁵⁵ НА РТ, ф. 92, оп. 1, д. 168, л. 20.

⁵⁶ Там же.

сидят с квитанциями в руках. Председатели сумонов делали личными батраками тех, кто лишен прав. В выборную кампанию мы без всякого разбора лишали избирательных прав. Например, если арат налил чай шаману, арата лишали избирательных прав...»⁵⁷. Байыр-оол, председатель хошкома ТНРП Тес-Хема: «В моей практике были такие случаи: лишали шаманов прав, издевались над верующими и унижали их, грабили монастыри, разбивали фигуры бурханов, но, несмотря на это, мы не смогли перебороть религиозную веру аратов. Это наша самая жесткая ошибка»⁵⁸. Заведующий отделом агитационно-массовой работы ЦК ТНРП Товарищтай: «В Барун-Хемчике мы довели коллективизацию до 50-60%. Конечно, это были нежизнеспособные хозяйства. Работая в 1932 г. в Тес-Хеме, я не стал восстанавливать избирательные права тем, кому это положено было. Это была моя ошибка»⁵⁹. Чурмит-Тажы, председатель Совета министров: «Одна из наших больших ошибок – это то, что мы забыли про частное хозяйство»⁶⁰. Эти высказывания по содержанию и характеру похожи на публичное раскаяние.

Известно, что III Чрезвычайная сессия Малого Хурала ТНР, которая состоялась вслед за вышеуказанным пленумом, 28 октября – 3 ноября 1933 г. приняла решения, которые означали «шаги назад», исправляющие перекосы, которые, как мы полагаем, в том числе привели к восстаниям 1930-1932 гг. По итогам III Чрезвычайной сессии Малого Хурала ТНР было сделано обращение к народу, в котором наряду с достижениями были признаны политические ошибки, сделанные в предыдущие годы. «...Наряду с этими бесспорными достижениями, органы власти как в центре, так и на местах, допустили грубые ошибки в целом ряде хозяйственно-политических вопросов». К ошибкам были также причислены политические действия, как незаконные аресты, лишение избирательных прав не только феодалов, но в некоторых случаях даже аратов. В сфере экономической политики – борьба с частно-хозяйственной и торговой активностью. В сфере религии – оскорбление религиозного чувства верующих аратов и преследование лам и шаманов за исполнение религиозных обрядов, совершенно неверный курс на сплошную коллективизацию»⁶¹.

В этом обращении были сформулированы принципы государственной политики, которых следовало придерживаться всем органам власти. По

⁵⁷ НА ТИГПИ, д. 1294, л. 19.

⁵⁸ Там же. Л. 20.

⁵⁹ Там же. Л. 21.

⁶⁰ Там же.

⁶¹ РГАСПИ, ф. 495, оп. 153, д. 61, л. 33.

содержанию эти принципы были в некоторой степени созвучны той политической и экономической реальности, которая складывалась до начала левого курса в 1929 г., однако, как покажет история, довольно скоро подобная новая политика будет свернута в силу внешних и внутренних причин. Но на начальных порах был действительно принят ряд практических шагов, в том числе изменение законодательства ТНР: объявлялась «неограниченная свобода религиозных верований и убеждений, беспрепятственное исполнение религиозных обрядов, привлечение к суровой ответственности всех, кто попытается оскорблять религиозное чувство народа, а также и тех, кто вздумает использовать религию в контрреволюционных целях борьбы против народной революции и установленного государственного строя ТНР. Сессия обязывает Президиум Малого Хурала и Совет министров в кратчайший срок пересмотреть все ранее изданные законы и постановления, списки граждан, лишенных избирательных прав и восстановить в этих правах всех неправильно лишенных, в месячный срок проверить состав всех граждан ТНР, лишенных свободы по суду, и в порядке следствия»⁶².

Пересмотр прежних принципов коснулся не только политической сферы, но и вопросов собственности. На этой же сессии Президиума Малого Хурала было решено, к примеру, что «наряду с максимальным развертыванием частно-хозяйственной инициативы правительство должно содействовать арадам в их добровольной организации в простейшие хозяйственные и производственные кооперативные объединения, оказывая им материальную и организационную помощь» [Очерки истории 1975, с. 93].

Что касается «ламского вопроса», то в 1932 г. части буддийского духовенства были предоставлены избирательные права. Из протокола (№32) заседания Политбюро АРП от 28 октября 1932 г. видно, что, заслушав ход избирательной кампании и «левацких» перегибов, допущенными хошунными избирательными комиссиями, было принято решение внести уточнения в инструкции по проведению выборов. Было решено разделить на три категории: «низкие ламы, если они бросили хурээ и занимаются трудовым хозяйством, независимо от времени, – их восстановили в избирательных правах; ламы средней категории выше «кеския»⁶³, если бросили хурээ и занимаются трудовым хозяйством в течение двух лет, – было решено не лишать избирательных прав. У высшего духовенства все осталось по-прежнему – без избирательных

⁶² Там же. Л. 34.

⁶³ Кеский – старший лама в монастыре

прав [Моллеров, Натсак, Самдан 2021, 74].

Однако, даже после «нового курса», начатого с признания допущенных ошибок политико-экономического характера на III чрезвычайной сессии Малого хурала ТНР в 1933 г., в ламстве продолжали видеть политического врага, связанного с иностранными государствами. «Контрреволюционные, феодальные элементы в стране стремятся представить новый хозяйственно-политический курс как политическое отступление, связывая его с событиями в Маньчжурии. Ожилились и некоторые теократические элементы, пытающиеся использовать в своих целях постановление сессии о борьбе с административными методами, имевшими ранее место в антирелигиозной работе»⁶⁴.

В сентябре 1934 г. в ИККИ докладывалось о том, что, несмотря на то, что «ламский вопрос» не так остро стоит, как в соседней Монголии, тем не менее, ламство играет в общественной жизни страны очень большую роль⁶⁵. В рамках пересмотра «левацких загибов» признавалось, что «до 1932 г. в «ламском вопросе» допускались ошибки. В 1933 году эти левацкие загибы решительно были устранены. После этого опять началось некоторое оживление среди ламства. Ламство в целом играет реакционную роль и тормозит более быстрый хозяйственный и культурный рост республики. Ламы пытаются в настоящее время взять под свое влияние молодежь, женщин, надеясь потом через эту часть аратов закрепить свое влияние и на мужчин аратов. Ламы Самагалтайского хурээ самовольно внесли в ламский список простого арата Ши́ра и бывшего мелкого чиновника Ловай. Те же ламы и ламы Эрзина и Нарына начали привлекать в хурээ детей аратов в качестве хуураков. Контрреволюционные ламы в Тере-Холь сумоне агитируют среди родителей аратов за то, чтобы араты не учили своих детей тувинской письменности, а сделали бы их хуураками. Ламы таким образом нарушают закон республики, запрещающий детей ниже 18 лет привлекать в качестве хуураков в хурээ».

В вопросах ламства и религии правительство ТНР и ТНРП решили придерживаться следующей линии: с одной стороны – соблюдать декларируемую конституцией свободу вероисповедания и ни в коем случае не допускать оскорбления религиозных чувств верующих; не допускать административных методов борьбы против ламства и религии вообще; борьбу вести только путем распространения научных знаний. С другой – не допускать нарушений законов ламами и монастырями:

⁶⁴ РГАСПИ, ф. 495, оп. 153, д. 67, л. 50-51.

⁶⁵ РГАСПИ, ф. 495, оп. 153, д. 67, л. 93.

прием детей в хурээ, незаконные сборы в пользу хурээ; не допускать вмешательства хурээ и лам в дело государственного управления; привлекать к ответственности лам, ведущих контрреволюционную агитацию против правительства; хурээ и ламы должны заниматься только вопросами религии, а не политикой⁶⁶.

В секретном письме в Восточный секретариат ИККИ с прошением о приеме в ряды Коминтерна в качестве сочувствующей партии от 20 сентября 1934 г., подписанном Председателем Президиума ЦК ТНРП Тока, членом Президиума ЦК ТНРП Хемчик-оолом, членами ЦК ТНРП Шагдыржапом и Седип-оолом, было признание политических ошибок: «Проводя в основном правильно решения VIII съезда партии и директивы Коминтерна, партия в период 1930-1932 гг. допустила ряд ошибок. Партия, не имея налицо у себя в стране необходимых условий, начала проводить политику сплошной коллективизации, политику зажима частно-хозяйственной инициативы и свободных рыночных отношений, политику ликвидации байства. Эта политика вызвала недовольство аратских масс и угрожала отрыву партии от масс. Партия, благодаря своевременной помощи Коминтерна, сумела вовремя вскрыть свои ошибки и перестроить свою работу в соответствии с директивами ИККИ»⁶⁷.

Хотя здесь нет прямого упоминания вооруженных восстаний 1930-1932 гг., и речь идет только об «отрыве партии от масс», можно предположить, что в основе изменения политики, лежало не только признание исходных причин восстаний, но и резкое ухудшение экономического положения Тувы.

Признание ошибок под влиянием Коминтерна, проведение чрезвычайной сессии Президиума Малого Хурала в 1933 г., последующее изменение принципов политики – такая последовательность событий в Туве была практически идентична той последовательности принятых в 1932 г. в Монголии мер после разноочаговых крупных восстаний, но с той разницей, что в ТНР перегибы в левой политике не были персонифицированы. [История Монгольской Народной Республики 1967, с.336] В Монголии осуждение политики левых произошло на чрезвычайном пленуме ЦК МНРП в июне 1932 г., и сопровождалось демонстративным выводом из ЦК левых уклонистов З. Шижия, О. Бадархо и др. С. Л. Кузьмин и Ж. Оюунчимэг в статье «Хубсугульское восстание 1932 г. в Монголии» описали реакцию в СССР и указания ВКП(б) и ИККИ следующим образом: «Политбюро ЦК ВКП (б)

⁶⁶ РГАСПИ, ф. 495, оп. 153, д. 67, л. 93.

⁶⁷ РГАСПИ, ф. 495, оп. 153, д. 68, л. 9.

пристально следило за ходом восстания, 16 мая 1932 г. был обсужден монгольский вопрос. Было указано, что основная ошибка руководства МНР – слепое копирование политики советской власти. Надо ликвидировать эту ошибку, а также разбить повстанцев. В этом духе было выдержано совместное постановление ИККИ и ЦК ВКП (б) от 29 мая» [Кузьмин, Оюунчимэг 2015, с. 54]. Затем, как пишут С. Л. Кузьмин и Ж. Оюунчимэг, 3-й чрезвычайный пленум ЦК и ЦКК МНРП 29-30 июня и 17-ая чрезвычайная сессия Малого Хурала МНР приняли решения согласно этим указаниям, а на смену «левому уклону» пришел «новый курс» [Там же].

Заключение

В заключение надо отметить несколько выводов относительно характера и содержания Тере-Хольского восстания в 1932 г. Тере-Хольское выступление по своему характеру было вооружённым восстанием против политики партии и правительства. Ко времени начала Тере-Хольского восстания, в отличие от восстания 1930 г., левая политика и связанная с ней классовая борьба достигла кульминации в Туве: конфискация, к которой намечались подступы перед восстанием 1930 г, произошла как факт; в активную фазу вошла коллективизация; антирелигиозная политика на государственном уровне и экономическое давление на монастырские хозяйства привели к тому, что практически все монастыри, за исключением Самагалтайского хурээ, были закрыты. Коренная трансформация социальной структуры, принципов хозяйствования, смена элит, а также устоявшейся веками духовно-религиозной жизни в тувинском обществе не могли не привести к крайним формам политического протеста как вооруженное восстание.

Тере-Хольское восстание 1932 г. по времени произошло на фоне таких международных факторов, как военная активность Японии на Корейском полуострове, в Северном Китае. В 1931 г. Япония начала оккупацию Маньчжурии. Коминтерн в своем письме в феврале 1932 г. прямо указывал на угрозу порабощения со стороны Японии Монголии и Тувы и предупреждал о возможном «оживлении надежд клерикально-феодаловых сил в Туве», которые были названы «внутренним резервом интервенционистов».

В качестве ключевых внутривнутриполитических факторов, повлиявших на протестные настроения среди населения, выделяются чистки в ТРСМ, организациях, состоявшаяся конфискация имущества бывших феодалов; переселение бывших феодалов с родовых кочевий и мест житель-

ства в другие районы; усиление антирелигиозной борьбы, добровольно-принудительная коллективизация аратских хозяйств в 1931-1932 гг. В результате экономического и политического давления на буддийские монастыри в 1932 г. осталось только одно функционирующее хурээ из 22.

Конфискация имущества у богачей, феодалов, лам, монастырей и последующая раздача скота беднякам по своему значению была актом конструирования новой социальной реальности – экономического равенства, и исходила из идеи социальной справедливости. Количество скота и частная собственность на него были классообразующими факторами. Перераспределение собственности и ресурсов в виде скота, пастбищ изменило экономическую стратификацию и классовую структуру тувинского общества. Фактически прекратили свое существование крупные собственники скота, частные торговцы как экономический класс.

Переселение бывших феодалов внутри хошуна или за пределы хошуна, означало лишение их свободы выбора места жительства и гражданских прав.

Восстание в Тере-Холе в 1932 г. повторяет ту же схему, которую мы наблюдали на примере восстаний на Хемчике в 1924, 1930 гг.: начало восстания весной – вооружённое столкновение с правительственным отрядом – бегство в Монголию – завершение операции по подавлению восстания в конце лета.

В Тере-Хольском восстании участвовали бывшие феодалы и ламы, араты, партийно-ревсомольские работники, представители местных органов власти. Это свидетельствовало о нелояльности местных руководителей политике центрального правительства и партии. Количество активных участников достигало 40 человек.

Данное восстание носило также антимодернизационный характер, и было выступлением в защиту религии.

Как и восстание на Хемчике 1930 г., мятеж в Тере-Холе имел трансграничный характер, по времени совпал с Хубсугульским восстанием в Монголии.

Политические уроки восстаний были сделаны в Туве в 1933 г. под руководством Коминтерна. Будучи свидетелем крупных очагов восстания в Монголии в 1932 г., которое подавлялось с помощью танков и авиации, а также в Туве, Коминтерн в той международной обстановке начал «купировать» политическую нестабильность в координируемых им в двух сопредельных государствах внедрением «новой политики», но публично признать ошибки «левого курса» должны были народно-революционные партии и правительств этих стран. Такой поворот был апробирован сначала в Монголии, после нее – в Туве.

В Туве Тере-Хольские события 1932 г. были последним проявлением открытой формы сопротивления и противостояния политике партии и правительства в ТНР с вооружёнными столкновениями. Тере-Хольскими событиями закончился вооружённый этап политического протеста в ТНР.

Литература:

1. Васильев 1994 – Васильев, Л.С. История Востока. В 2-х томах. Том 2. М.: Высшая школа, 1994. 495 с.
2. История Монгольской Народной Республики 1967 – История Монгольской Народной Республики / АН СССР. АН МНР. Под ред. акад. Е. М. Жукова и др. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Наука, 1967. 537 с.
3. История Тувы 2007 – История Тувы: В 3 т. – Т. II / Под общей ред. В. А. Ламина. Новосибирск: Наука, 2007. 430 с.
4. Кузьмин, Оюунчимэг 2015 – Кузьмин, С. Л., Оюунчимэг, Ж. Хубсугульское восстание 1932 г. в Монголии // Восток (Oriens). 2015. № 3. С. 47-62.
5. Моллеров, Натсак, Самдан 2021 – Моллеров, Н. М., Натсак, О. Д., Самдан, А. А. По пути народовластия: представительско-законодательная власть Тувы (предпарламентский период). Абакан: Журналист. 2021. 297 с..
6. Монголия в документах из архивов 2019 – Монголия в документах из архивов ФСБ России (1922-1936 гг.). М.: ИВ РАН. 2019. 526 с.
7. Натсак 2020 – Натсак, О.Д. Антирелигиозная и внутривластная борьба в Тувинской Народной Республике в контексте социализации тувинских женщин // Общество, философия, история, культура. 2020. № 12 (80). С. 113-120.
8. Очерки истории 1975 – Очерки истории Тувинской организации КПСС. Отв. ред. Г. Ч. Шишин. Кызыл: ТНИИЯЛИ. 1975. 405 с.
9. Системная история 2006 – Системная история международных отношений в двух томах. Т. I. События 1918-1945 гг. / под ред. А. Д. Богатурова. М.: Культурная революция, 2006. 476 с.
10. Tatsuo 2003 – Tatsuo, N. Mongol Nationalism and Japan in *Imperial Japan and National Identities in Asia, 1895-1945*. Ed. By Li Namangoa and Robert Cribb. L., N-Y: Routledge Curzon. 2003. P. 90-106.
- Imperial Japan 2003 – *Imperial Japan and National Identities in Asia, 1895-1945*. Ed. By Li Namangoa and Robert Cribb. L., N-Y: Routledge Curzon. 2003. 371 p.

References:

1. Vasil'ev, L. S. (1994) "Istorija Vostoka" [History of the East], in 2 volumes, vol.2. Moscow, Vysshaja shkola, 495 p. (In Russ.).
2. "Istorija Mongol'skoj Narodnoj Respubliki" (1967) [History of the Mongolian People's Republic] AS of the USSR, AS of the MPR., ed. by acad. E. M. Zhukov and others, second edition, revised and expanded, Moscow, Nauka, 537 p. (In Russ.).
3. "Istorija Tuvy" (2007), [History of Tuva], in 3 volumes, vol. 2, ed. by V. A. Lamin, Novosibirsk, Nauka, 430 p. (In Russ.).
4. Kuz'min, S. L. and Ojuunchimjeg, Zh. (2015), "Hubsugul'skoe vosstanie 1932 g. v Mongolii" [The Khubsugul Uprising of 1932 in Mongolia], *Vostok (Oriens)*, no. 3, p. 47-62. (In Russ.).

5. Mollerov, N. M., Natsak, O. D. and Samdan, A. A. (2021), "*Po puti narodovlastija: predstavitel'no-zakonodatel'naja vlast' Tuvy (predparlamentskij period)*" [On the Path of Democracy: Representative Legislative Power of Tuva (Pre-Parliamentary Period)], Abakan, Zhurnalist, 297 p. (In Russ.).
6. "*Mongolija v dokumentah iz arhivov FSB Rossii (1922-1936 gg.)*" (2019), [Mongolia in Documents from the Archives of the FSS of Russia (1922-1936)], Moscow, IV RAN, 526 p. (In Russ.).
7. Natsak, O. D. (2020) "Antireligioznaja i vnutripoliticheskaja bor'ba v Tuvinskoj Narodnoj Respublike v kontekste socializacii tuvinskih zhenshin" [Anti-Religious and Internal Political Struggle in the Tuvan People's Republic in the context of the socialization of Tuvan women], *Obshhestvo, filosofija, istorija, kul'tura*, no. 12 (80), pp. 113-120. (In Russ.).
8. "*Ocherki istorii Tuvinskoj organizacii KPSS*" (1975), [Essays on the History of the Tuvan Organization of the CPSU], TNIJALI, Kyzyl, 405 p. (In Russ.).
9. "*Sistemnaja istorija mezhdunarodnyh otnoshenij v dvuh tomah*" (2006), [Systemic History of International Relations in 2 volumes, vol. 1, Events of 1918-1945], ed. by Prof. A. D. Bogaturov, *Kul'turnaja revoljucija*, Moscow, 232 p. (In Russ.).
10. Tatsuo, N. "Mongol Nationalism and Japan", *Imperial Japan and National Identities in Asia, 1895-1945*. Ed. By Li Namangoa and Robert Cribb. L., N-Y: Routledge Curzon. 2003. P. 90-106.
11. *Imperial Japan and National Identities in Asia, 1895-1945*. Ed. By Li Namangoa and Robert Cribb. L., N-Y: Routledge Curzon. 2003. 371 p.

Информация об авторе:

Органа Д. Натсак, кандидат философских наук, учёный секретарь, Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва, Кызыл, Россия; Россия, Республика Тыва, 667000, ул. Кочетова, д. 4, nod695596@gmail.com.

Information about the author: Organa D. Natsak, Cand. of Sci. (Philosophy), Academic Secretary, Tuvan Institute of Humanitarian and Applied Social and Economic Research under the Government of the Republic of Tuva, Kyzyl, Russia; 4 Kochetov str., Kyzyl, 667000, the Republic of Tuva, Russia, nod695596@gmail.com.

© Натсак О. Д., 2022

АРХЕОЛОГИЯ

Научная статья
УДК 902

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАСКОПКИ В ЧЕДИ-ХОЛЬСКОМ КОЖУУНЕ РЕСПУБЛИКИ ТЫВА

Лариса Д. Чадамба

*Тувинский институт гуманитарных и
прикладных социально-экономических исследований
при Правительстве Республики Тыва, Россия, Кызыл,
chadamba2001@mail.ru.*

Аяна И. Куулар

*Тувинский институт гуманитарных и
прикладных социально-экономических исследований
при Правительстве Республики Тыва, Кызыл, Россия
Кызыл, Россия, amphitrida@mail.ru.*

Аннотация. Статья посвящена предварительным результатам археологической экспедиции в Чеди-Хольском кожууне. Экспедиция Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва производила раскопки на курганных могильниках Чаа-Суг-1 и Ак-Тал-3. Финансирование было осуществлено за счёт средств гранта Российского фонда культуры. Раскопки проводились на основании открытых листов, выданных Министерством культуры Российской Федерации. Исследования памятников проводились согласно Положению о порядке проведения археологических полевых работ и составления научной отчётной документации. В результате полевых работ были получены материалы, характеризующие культурные особенности памятников; раскопаны погребение ребёнка, предварительно датированное ранним скифским временем и поминальная каменная ограда древнетюркского времени.

Ключевые слова: Тува, Чеди-Холь, курганный могильник, раскопки, скифское время, древнетюркская эпоха

Для цитирования: Чадамба Л. Д., Куулар А. И. «Археологические раскопки в Чеди-Хольском кожууне Республики Тыва» // Азиатские исследования: история и современность. 2022. №3. С.55-62. DOI: 10.24412/2782-6139-2022-3-55-62

ARCHAEOLOGICAL SITES IN THE CHEDI-KHOL DISTRICT OF THE REPUBLIC OF TUVA

Larisa D. Chadamba

Tuvan Institute of Humanitarian and Applied Socio-Economic Research under the Government of the Republic of Tuva, Kyzyl, Russia, chadamba2001@mail.ru.

Ayana I. Kuular

Tuvan Institute of Humanitarian and Applied Socio-Economic Research under the Government of the Republic of Tuva, Kyzyl, Russia, amphitrida@mail.ru.

Abstract. The article is devoted to the preliminary results of the archaeological expedition to the Chedi-Khol district. The expedition of the Tuvan Institute of Humanitarian and Applied Socio-Economic Research under the Government of the Republic of Tuva investigated the burial mounds of Chaa-Sug-1 and Ak-Tal-3. The expedition was funded by the grant of the Russian Cultural Foundation, and was carried out on the basis of open sheets issued by the Ministry of Culture of the Russian Federation. The research of the monuments was conducted in accordance with the Regulations on the Procedure for Archaeological Field Work and Compiling scientific reporting documentation. As a result of the expedition, the authors have obtained materials characterizing the cultural features of the monuments; and have found the burial of a child, previously dated to the Early Scythian time, and a memorial stone fence of the ancient Turkic time.

Keywords: Tuva, Chedi-Khol, burial mound, excavations, Scythian time, ancient Turkic epoch

For citation: Chadamba, L. D. Kuular, A. I. (2022) "Archaeological sites in the Chedi-Khol district of the Republic of Tuva", *Asian Studies: History and Modernity*, no. 3, p.55-62.

DOI: 10.24412/2782-6139-2022-3-55-62

Введение

В июле, сентябре 2022 г. экспедиция Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва (ТИГПИ) провела археологические раскопки на объектах, входящих в состав курганных могильников Чаа-Суг-1 и Ак-Тал-3. Полевые работы были профинансированы Российским фондом культуры (проект «Волонтеры в крае семи озер») и Фондом президентских грантов (проект «Время собирать камни»). В раскопках принимали участие научные сотрудники ТИГПИ, Национального музея им. Алдан-Маадыр Республики Тыва, волонтеры и студенты-практиканты исторического факультета ТувГУ.

Чеди-Хольский кожуун для проведения исследований был выбран не случайно – последние археологические научные раскопки здесь осуществлялись еще в середине XX в. С тех пор прошло более полувека, и археологические памятники кожууна требуют изучения в соответствии

с новыми методами ведения раскопок и уточнения сведений о них.

Первым исследователем археологических объектов «края семи озер» является С.И. Вайнштейн, который в 1953 г. проводил обследования в высокогорной долине р. Хендерге в местечке Кара-Чоога. Всего было изучено 11 курганов [Вайнштейн 1954, с. 143]. В 2 км от этой местности исследователь обнаружил несколько древнетюркских каменных изваяний, установленных возле восточных стен оградок [Вайнштейн 1954, с. 153].

Я. И. Сунчугашев с 1959 по 1962 гг. занимался поиском и раскопками памятников древнего горного дела и металлургии. Так, исследователем были обследованы горные выработки и комплексы по обработке металлов в пунктах Кара-Хая, Бош-Даг, Узун-Ой, которые датируются от эпохи бронзы до раннего железного века. Интересен тот факт, что в одной из шахт было обнаружено захоронение человека, которое может относиться к эпохе раннего железного века [Сунчугашев 1966, с. 189].

Возглавляемая Л. Р. Кызласовым Тувинская археологическая экспедиция МГУ им. М. И. Ломоносова провела раскопки археологических памятников разных исторических периодов в долине р. Хендерге и у пос. Хову-Аксы в 1960 г. Исследованные в долине р. Хендерге, в 1 - 1.5 км к западу от с. Ак-Тал захоронения он относит к курганам аржаанского типа [Кызласов 1979, с. 34]. В том же году в восточной стороне с. Ак-Тал им открыты памятники периода древнетюркского каганата, это – около 10 тюркских поминальных оградок с балбалами-столбиками, от-

ходящими на восток, а также каменные изваяния, 3 из которых были вывезены им в музей г. Кызыла [Кызласов 1979, с. 120]. В настоящее время изваяния экспонируются в стеларии «Алдын-Дошка». Высокохудожественное изваяние, изученное исследователем в северной части поселка, все еще находится на своем первоначальном месте (рис. 1).

В урочище Кара-Даш были вскрыты неразграбленные погребения шурмакской (кокэльской) археологической культуры III-V вв. н.э. Найденные в усыпальницах могильника вещи хорошо сохранились, особый интерес представляют гробовища из плах, а также луки, сосуды из дерева, которые имеют аналогии в эпонимном памят-

*Рис 1. Древнетюркское каменное изваяние
вблизи с. Ак-Тал*

нике Кокэль в Западной Туве. Во втором – археологические комплексы (т.н. срубные западины) озен-ала-белигского этапа уюкско-саглынской культуры, датируемые III-II вв. до н.э. Еще очень важным результатом экспедиции Л. Р. Кызласова являлись раскопки древней медеплавильни на высокой надпойменной террасе правого берега р. Он-Кажаа. По обнаруженным предметам древнего горного дела и металлургии исследователь заключил, что памятник относится к скифскому времени V-III вв. до н.э. [Кызласов 1979, с. 53].

После работ Тувинской археологической экспедиции МГУ под руководством Л.Р. Кызласова археологические раскопки на территории Чеди-Хольского кожууна больше не проводились.

В 90-е годы XX в. сотрудником ТНИИЯЛИ (ныне – ТИГПИ) И. У. Самбу была проведена археологическая разведка с целью паспортизации памятников [Свод..., 1994]. Всего по своду на территории рассматриваемого кожууна известно 7 памятников, все из них курганные могильники: Ак-Тал-1-5, Чаа-Суг-1 и 2. [Свод..., 1994].

В постсоветский период отдельным отрядом Тувинской археологической экспедиции ИИМК РАН под руководством П. М. Леуса была проведена разведочная работа в 2002 г. В ходе этой работы были открыты древнетюркские оградки в нижнем течении р. Могой (правый приток р. Элегест). Были осмотрены известные еще с 60-70-х гг. XX в. большие курганы у пос. Ак-Тал, которые исследователем отнесены к пазырыкскому кругу памятников Горного Алтая [Леус 2003, с. 386-387].

Также в начале 2000-х г. в местечке Чайлаг-Хем Тувинской археологической экспедицией ИИМК РАН был открыт и обследован уникальный и пока единственный петроглифический комплекс. Композиции петроглифов в основном датируются эпохой поздней бронзы и ранним железным веком, хотя известны изображения более поздних эпох [Килуновская, Семенов, 2008].

Таким образом, как видно из этого обзора, археологические работы на территории Чеди-Холя были проведены во временном промежутке неравномерно, активно работы проводились в советское время, а после распада СССР исследования здесь имели эпизодический характер.

Результаты экспедиции

Курганный могильник Чаа-Суг-1 расположен в 1 км к западу от с. Ак-Тал и состоит из 20 погребальных памятников, относящихся к различным историческим эпохам. Для проведения археологических раскопок на этом могильнике был выбран небольшой объект округлой формы,

расположенный в восточной стороне могильника. Наземная конструкция кургана до раскопок насчитывала 3 м, поверхность насыпи была равномерно задернованной.

Нами был заложен раскоп размером 53 кв. м. После проведения раздировки выявлена конструкция кургана, которая была частично разрушена. В центре каменной насыпи была расположена могила в виде прямоугольных оградок из вертикально поставленных плит по линии запад-восток. Нижний ряд могилы сложен из каменных плит, уложенных в один ряд (рис. 2).

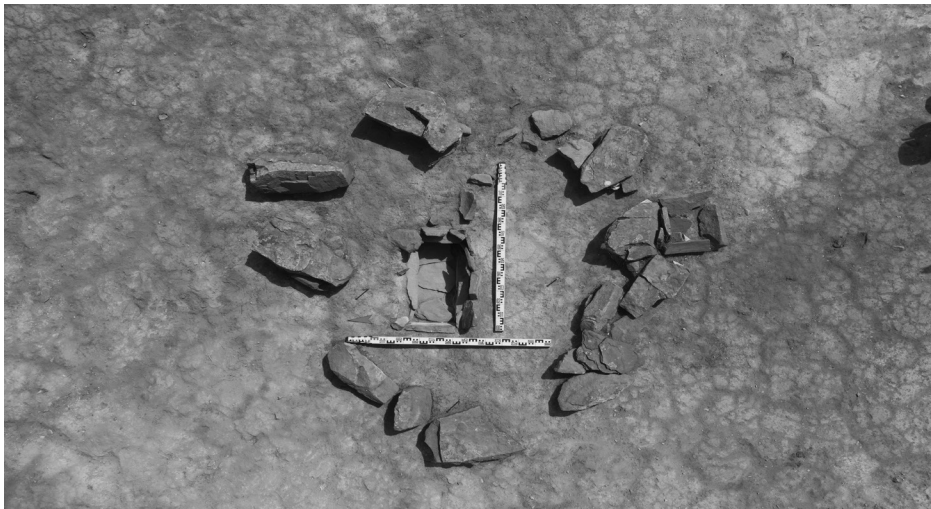

Рис. 2. Погребение в кургане

В могильном ящике находились костные останки младенца в возрасте до 1 года. Череп младенца был частично разрушен. Ребенок был захоронен головой на запад. В юго-восточной стороне от могилы расположен ящик из вертикальных плит, внутри которого был обнаружен фрагмент керамики с орнаментом.

Курганный могильник Ак-Тал-3 состоит из 10 погребальных и 10 поминальных объектов. Выбранный объект для исследования – каменная оградка со стелой – расположен в 4 км к востоку от с. Ак-Тал.

Из 10 оградок нами была выбрана для изучения оградка №8 (рис. 3). Памятник подквадратной формы, размеры – 2,30 м на 2,30 м. С восточной стороны оградки лежала стела, высота которой составляет 1,02 м. Оградка была сильно задернована. В ходе раскопок выявлено двухслойное заполнение оградки в виде вымостки из камней. Первый слой состоял из средних и мелких камней, второй – слой земли темно-коричневого цвета. При расчистке дерна в юго-западной части оградки был найден

трехлопастной железный наконечник стрелы. В центре оградки выявлены 2 ямы, в которых были обнаружены зуб и кости животных, а также остатки деревянного столба. Все находки являются традиционными для древнетюркской эпохи.

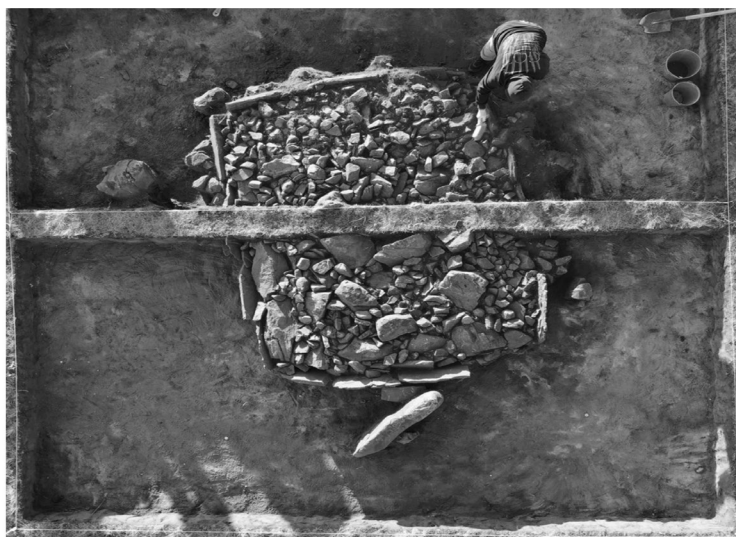

Рис.3. Защищенная оградка

Таким образом, разнообразие и разновременность археологических памятников на территории Чеди-Хольского кожууна позволяет судить о заселении территории с древних времен.

Детское погребение в курганном могильнике Чаа-Суг-1 является нерядовым захоронением, так как отдельных курганных сооружений для детей обычно не воздвигали. Нанесенный орнамент на фрагменте керамического сосуда значительно варьируется для однозначного определения культурно-хронологической группы, к которой он относится. Наряду с этим общая стилистика фрагмента и состав формовочной массы позволяет отнести обнаруженный фрагмент к более раннему периоду скифской эпохи.

В результате раскопок поминальной оградки был обнаружен трехлопастной железный наконечник стрелы хорошей сохранности. Известно, что трехлопастные стрелы были наиболее совершенными и широко применялись вплоть до позднего средневековья. Кроме раскопок, экспедицией были обнаружены новые древнетюркские каменные изваяния, которые не упоминаются в работах исследователей. Обнаруженные находки являются традиционными для древнетюркских оградок, аре-

ал распространения которых охватывает обширные пространства центрально-азиатского региона.

В настоящее время предстоит отправка материалов для установления точной датировки и определения культурно-хронологической группы, к которой относятся обнаруженные предметы.

Заключение

Таким образом, проведенные экспедицией Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва археологические раскопки на территории Чеди-Хольского кожууна дополняют представления о древних и средневековых археологических культурах Тувы. Полученные материалы курганных могильников Чаа-Суг-1 и Ак-Тал-3, представляют значительный научный интерес.

Следующим этапом исследования станет проведение радиоуглеродного анализа для определения точной датировки исследованных объектов. Дальнейшие исследования на территории Чеди-Хольского кожууна представляются перспективными с точки зрения возможности обнаружения новых археологических памятников.

Литература:

1. Вайнштейн 1954 – Вайнштейн, С. И. Археологические раскопки в Туве 1953 г. // Ученые записки ТНИИЯЛИ. Вып. 2. Кызыл, 1954. С. 140–155.
2. Килуновская 2008 – Килуновская, М. Е. Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. Т. III. М.: ИА РАН, 2008. 428 с.
3. Кызласов 1979 – Кызласов, Л. Р. Древняя Тува (от палеолита до IX в.). М.: Изд-во МГУ, 1979. 207 с.
4. Кызласов 1969 – Кызласов, Л. Р. История Тувы в средние века. М.: Изд-во МГУ, 1969. 211 с.
5. Леус 2003 – Леус, П. М. Археологические раскопки в Пий-Хемском и Чеди-Хольском кожуунах Тувы // Археологические открытия 2002 года. М.: Наука, 2003. С.386-387.
6. Самбу 1994 – Самбу, И. У. Свод археологических памятников Тувы. Кызыл: Тув. кн. изд-во, 1994. 191 с.
7. Сунчугашев 1966 – Сунчугашев, Я. И. О выплавке меди в древней Туве // Советская археология. 1966, №4. С. 187–191.

References:

1. Vainshtein, S. I. (1954) "Arkheologicheskie raskopki v Tuve 1953 g." [Archaeological Excavations in Tuva in 1954], *Uchenye zapiski*, Issue 2, . Kyzyl, p. 140–155. (In Russ).
2. Kilunovskaya, M. E. (2008) "Chajlag-Xem – novyj pamyatnik naskal'nogo iskusstva v Tuve" [Chilag-Khem Is a New Monument of Rock Art in Tuva], *Trudy II (XVIII) Vserossiyskogo arheologicheskogo s'ezda v Suzdale*, vol. III, Moscow, IA RAN, p. 33-35. (In Russ).

3. Kyzlasov, L. R. (1979) “*Drevnyaya Tuva (ot paleolita do IX v.)*”. [Ancient Tuva (from the Paleolithic to the IX century.)], Moscow, Izd-vo MGU, 208 p. (In Russ).
4. Kyzlasov, L. R. (1969) “*Istoriya Tuvy v srednie veka*” [The History of Tuva in the Middle Ages], Moscow, Izd-vo MGU, 212 p. (In Russ).
5. Leus, P. M. (2003) “Arheologicheskie raskopki v Pij-Khem i Chedi-Xol'skom kozhuunax Tuvy” [Archaeological Excavations in the Pii-Khem and Chedi-Khol Kozhuuns of Tuva], *Arheologicheskie otkrytiya 2002 g.*, Moscow, Nauka, p. 386-387. (In Russ).
6. Sambu, I. U. (1994) “*Svod arheologicheskikh pamyatnikov Tuvy*”. [A set of Archaeological Monuments of Tuva], Kyzyl, Tuv. kn.izd-vo, 1994. (In Russ).
7. Sunchugashev, Ya. I. (1966) “O vyplavke medi v drevnej Tuve” [On Copper Smelting in Ancient Tuva], *Sovetskaya arheologiya*, no.4, Moscow, Nauka, p. 187-191. (In Russ).

Информация об авторах:

Лариса Д. Чадамба, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва, Кызыл, Россия; 667000, Россия, Кызыл, ул. Кочетова, 4, chadamba2001@mail.ru.

Аяна И. Куулар, научный сотрудник, Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва, Кызыл, Россия; 667000, Россия, Кызыл, ул. Кочетова, 4, amphitrida@mail.ru.

Information about the authors:

Larisa D. Chadamba, Cand. of Sci. (History), Leading Researcher, Tuvan Institute of Humanitarian and Applied Socio-Economic Research under the Government of the Republic of Tuva, Kyzyl, Russia; 4 Kochetov str., Kyzyl, 667000, the Republic of Tuva, Russia, chadamba2001@mail.ru.

Ayana I. Kuular, Researcher, Tuvan Institute of Humanitarian and Applied Socio-Economic Research under the Governmen of the Republic of Tuva, Kyzyl, Russia; 4 Kochetov str., Kyzyl, 667000, the Republic of Tuva, Russia, amphitrida@mail.ru.

© Чадамба Л. Д., Куулар А. И., 2022

Научная статья
УДК - 902

ОРИГИНАЛЬНЫЕ ИЗВАЯНИЯ ОКОЛО РЕКИ БАЯНКОЛЬЧИК

Аяна И. Куулар

Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва, Кызыл, Россия, amphitrida@mail.ru.

Аннотация. В статье рассматриваются каменные изваяния около реки Баянкольчик (ныне Улуг-Хемский район, близ села Арыг-Бажы). Памятник представляет собой изображение двух людей, стоящих друг перед другом, и четырех животных рядом с ними. Скульптурная группа не входит в круг известных в Туве древнетюркских и уйгурских изваяний. Изваяния упоминаются

во многих работах исследователей, начиная с XVIII века. В настоящее время статуи на месте первоначального расположения отсутствуют. Из скульптурной группы сохранилось только одно изображение льва, которое выставлено в Национальном музее им. Алдан-Маадыр Республики Тыва.

Ключевые слова: тувинская археология, каменные изваяния, львы, Улуг-Хемский район, династия Юань

Для цитирования: Куулар А. И. «Оригинальные изваяния около реки Баянкольчик» // Азиатские исследования: история и современность. 2022. № 3. С. 63-69.
DOI: 10.24412/2782-6139-2022-3-63-69

ORIGINAL SCULPTURES NEAR THE RIVER BAYANKOLCHIK

Ayana I. Kuular

Tuvan Institute of Humanitarian and Applied Social and Economic Research under the Government of the Republic of Tuva, Kyzyl, Russia, amphitrida@mail.ru.

Abstract. The article deals with the stone statues on the river Bayankolchik (now Ulugh-Khemsky district, near the village Aryg-Bazhy). The monument is an image of two people standing in front of each other, and four animals next to them. The sculptural group was not included in the range of ancient Turkic and Uighur statues known in Tuva. The sculptures are mentioned in many scientific works of researchers starting from the 18th century. Currently, there are no statues at their original location. Only one lion image of the sculptural group has saved, which is exhibited now in Aldan-Maadyr National Museum of the Republic of Tuva.

Keywords: Tuvan Archeology, Stone Statues, Lions, Ulugh-Khem district, Yuan Dynasty

For citation: Kuular, A. I. (2022) "Original sculptures near the river Bayankolchik", Asian Studies: History and Modernity, no. 3, p. 63-69. DOI: 10.24412/2782-6139-2022-3-63-69

Введение

Среди средневековых тувинских изваяний, изображающих человеческую фигуру по пояс или только голову (лицо) человека, выделяются древ-

Рис. 2. Рисунок из работы И. Р. Аспелина, 1889 г.

нетюркские и уйгурские изваяния. Древнетюркские представляют собой изображение человека с сосудом в одной руке и оружием в другой, а уйгурские воспроизводят образ человека с сосудом в обеих руках. Кроме позы изваяния обеих групп различаются реалиями (головной убор, прическа, серьги, одежда, поясной набор).

Специальным изучением каменных изваяний Тувы занимались в середине XX в. Л.А. Евтюхова, А.Д. Грач, Л.Р. Кызласов [Евтюхова 1952; Грач 1961; Кызласов 1979].

Особый интерес среди древних статуарных памятников Тувы вызывает скульптурная группа, состоящая из изображений двух людей и четырех животных, установленных напротив друг друга, которая отличается от известных средневековых изваяний Тувы и является единственной в своём роде.

Первое упоминание о скульптурной группе встречается в работе участника Второй академической экспедиции в Сибирь в 1733–1743 гг. И. Г. Гмелина: «На пространстве, лежащем между двумя речками, стоят две мужские фигуры, обращённые лицом друг к другу, каждая в круглой китайской шляпе, с книгой в руке, чёрными усами и красными губами. У ног той и другой фигуры лежит, говорят, большой лев, хвостом ударяющий в спину ту фигуру, у ног которой он находится; возле него лежит будто бы ещё другой маленький лев» [Gmelin 1752, p. 323].

Спустя 150 лет группу скульптур обнаружил в 1881 г. первооткрыватель многих тувинских каменных изваяний А. В. Адрианов [Адрианов 1881, с. 401]. Полностью изучить статуи исследователю не удалось. Он был вынужден осмотреть памятники в течение полутора минут, не слезая с коня из-за возможных негативных действий со стороны местных жителей, которые относились к статуям с большим почтением, считая

их покровителями плодородия [Адрианов 1881, с. 401]. За это время он успел рассмотреть надписи на китайском языке на пьедестале, где стояли изваяния людей. А. В. Адрианов упомянул, что человеческие фигуры изготовлены из песчаника и изображают китайцев: мужчину и женщину. Высота их около 2 м, расположены на расстоянии 4–6 м друг от друга [Адрианов 1881, с. 401].

Позднее, в 1916 г., А. В. Адрианов вновь посетил статуи и сфотографировал их (рис. 1) [Беликова 2014, с. 118, рис. 44–47]. В своём фотодневнике археолог подписал изваяния следующим образом: «2 фигуры китайцев в одеянии – мужчина и женщина, 2 лежащие фигуры «львов» (арслан) и около них 2 фигуры животных недомашних» [Беликова 2014, с. 118, рис. 44]. Памятник был назван им «Чурмал (Чурумал – А. К.) на Баинголе (Баян-Кол – А. К.)». Местностей под названием «Баян-Кол» в Туве множество, здесь имеется ввиду территория реки Баянкольчик, записанная исследователем по-своему, а «Чурумал» переводится как изображение. По мнению А. В. Адрианова, скульптуры были оставлены китайцами во времена их пребывания [Адрианов 1881, с. 401].

Рис. 1. Фотографии А. В. Адрианова, 1916.

1887–1889 гг. на территории Южной Сибири работала финская экспедиция под руководством И. Р. Аспелина, которая помимо других тувинских изваяний нашла и группу скульптур вслед за А. В. Адриановым (рис. 2) [Appelgren-Kivalo 1931, p. 69]. И. Р. Аспелин указал более точные размеры изваяний: высота человеческих фигур 1,75 м и 1,64 м; высота животного (льва) 1,05 м, длина 1, 07 м. Исследователь отметил, что изваяния, два из которых изображают людей, а четыре – животных (львов), не принадлежат к тому культурному кругу, к которому относятся другие памятники этой местности, и имеют китайское происхождение [Appelgren-Kivalo 1931, p. 39].

В 1914 г., путешествуя по Туве, С. Р. Минцлов также зафиксировал скульптурную группу, охарактеризовав ее как «статуи китайского типа и фигуры львов» [Минцлов 1916, с. 11]. Далее изваяния не упоминаются в работах последующих исследователей как обнаруженные.

В 1958 г. Л. Р. Кызласов исследовал вблизи местоположения скульптурной группы городище Оймак. Городище датируется монгольским временем. На месте скульптур было обнаружено лишь одно изваяние льва, а также обломки обелиска с иероглифами [Кызласов 1969, с. 207, с. 151].

Результаты исследования

Судя по фотографиям и рисункам исследователей, изваяния людей представляют собой изображение двух мужчин. Скульптуры изготовлены из песчаника, установлены на пьедесталах. Мужчины изображены со сведенными руками, кисти которых скрыты в рукавах. Они в обеих руках держат, по всей видимости, свитки. Головные уборы имеют прямоугольную форму. Предыдущий исследователь изваяний И. Р. Аспелин связывал подобный вид шапок с головными уборами китайских чиновников – «мандаринов» [Appelgren-Kivalo 1931, p. 39]. Изображенные мужчины одеты в длинные халаты, спереди которых показана нашивка в виде соединенных трех кругов, от которых отходят вниз ленточки. На первый взгляд, кажется, что изображенные разных возрастов – один в возрасте, второй молодой. Статуи выполнены особенно тщательно, проработаны даже складки одежды. На наш взгляд, изваяния изображали чиновников империи Юань. Как известно, в это время территория Тувы входила в состав Монгольской империи.

Изваяния животных, предыдущие исследователи (И. Р. Аспелин, С. Р. Минцлов) связывают с изображениями львов, А. В. Адрианов же счи-

тал, что только 2 фигуры являются изображениями львов, а остальные 2 фигуры – других животных.

Изваяния львов на р. Баянкольчик – не единичный случай в Туве.

Л. А. Евтюхова исследовала в 1940-е г. комплекс Сарыг-Булун (территория современного Эрзинского кожууна), состоящий из кургана и установленных возле него изваяний людей и львов [Евтюхова 1952, с. 90]. Изобразительная традиция изваяний, передающих образ людей, относит их к древнетюркскому времени. Курган был раскопан в 1955 г. Л. Р. Кызласовым, который отнес его к VII–VIII вв. [Кызласов 1979, с. 131].

Примечательно, что в Китае начиная со II в. н.э. идет распространение изображений львов как стражников, сопровождающих душу погребенного, установленных симметрично с двух сторон церемониальной дороги так называемой Дороги духов [Шмонеvский 2013, с. 459]. Скульптуры львов были постоянным элементом погребальных святилищ.

Заключение

Скульптурная группа, состоящая из изваяний людей и животных, была установлена в период властвования на территории Тувы династии Юань – XIII–XIV вв. Так, нами выяснено, что изваяния находились до 1914 г. на своем первоначальном месте расположения. Отсутствие их могло быть связано с антиманьчжурской национально-освободительной борьбой местного населения, в результате которой маньчжуры были вынуждены покинуть территорию Тувы [Самдан 2018, с. 43–51]. Возможно, через пару лет после их ухода скульптурная группа была уничтожена, как свидетельство иноземной власти. В настоящее время от редкой скульптурной группы сохранилось лишь одно изображение льва, которое было найдено Л. Р. Кызласовым. Изваяние экспонируется в Национальном музее им. Алдан-Маадыр Республики Тыва.

Литература:

1. Адрианов 1982 – Адрианов, А. В. Путешествие на Алтай и Саяны, совершенное в 1881 г. по поручению Императорского Русского географического общества членом-сотрудником А. В. Адриановым. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 276 с.
2. Беликова 2014 – Беликова, О. Б. Последняя экспедиция А. В. Адрианова: Тува, 1915–1916 гг. Археологические исследования (источниковедческий аспект). Томск: Изд-во Томского ун-та, 570 с.
3. Грязнов 1929 – Грязнов, М. П., Шнейдер Е. Р. Древние изваяния Минусинских степей // Материалы по этнографии. Л.: Изд. Гос. Русского музея. Том 4, вып. 2. С. 63–93.
4. Евтюхова 1952 – Евтюхова, Л. А. Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии // МИА. № 24. С. 72–120.

5. Грач 1961 – Грач, А. Д. Древнетюркские изваяния Западной Тувы. М.: Изд-во вост. лит-ры. 94 с.
6. Кызласов 1969 – Кызласов, Л. Р. История Тувы в средние века. М.: МГУ. 212 с.
7. Кызласов 1979 – Кызласов, Л. Р. Древняя Тува (от палеолита до IX в.). М.: МГУ. 207 с.
8. Минцлов 1916 – Минцлов, С. Р. Памятники древности в Урянхайском крае. Петроград: Тип. Имп. акад. наук. 22 с.
9. Самдан 2018 – Самдан, А. А. Антиманьчжурская национально-освободительная борьба тувинского народа (XVIII – начало XX в.). Абакан: ООО «ИПП Журналист». 61 с.
10. Шмониевский 2013 – Шмониевский, Б. Ш. Образ льва в изобразительном искусстве Китая: связующее звено между Востоком и Западом (от Хань до Цин) // Ученые записки Отдела Китая. М.: Институт востоковедения РАН. Вып. 11. С. 456–468.
11. Appelgren-Kivalo, O. H. (1931), *Alt-Altäische Kunstdenkmäler. Briefe und Bildermaterial von J. R. Aspelins Reisen in Sibirien und der Mongolei 1887–1889*. Helsingfors, 72 p.
12. Gmelin, G. *Reise durch Sibirien von dem Jahre 1733-1743*. (1752), Göttingen, vol. 3, p. 323.

References:

1. Adrianov, A. V. (1886), “Puteshestviye na Altay i Sayany, sovershennoye v 1881 g. po porucheniyu Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva chlenom-sotrudnikom A. V. Adrianovym” [Journey to the Altai and Sayan Mountains Made in 1881 on behalf of the Imperial Russian Geographical Society by a Member of the Staff A. V. Adrianov], St. Petersburg, Publishing House of Imper. Sciences Academy, 276 p. (In Russ.).
2. Belikova, O. B. (2014), “Poslednyaya ekspeditsiya A.V. Adrianova: Tuva, 1915–1916 gg. Arkheologicheskiye issledovaniya (istochnikovedcheskiy aspekt)” [The last expedition of A.V. Adrianov: Tuva, 1915–1916. Archaeological Research (Source Study Aspect)], Tomsk, Publishing House of Tomsk University, 570 p. (In Russ.).
3. Gryaznov, M. P., Shneider, E. R. (1929), “Drevniye izvayaniya Minusinskikh stepey” [Ancient Sculptures of the Minusinsk Steppes], *Materials on ethnography*, Leningrad, Publishing house of State Russian Museum, vol. 4, no. 2, p. 63–93. (In Russ.).
4. Evtyukhova, L. A. (1952), “Kamennyye izvayaniya Yuzhnoy Sibiri i Mongolii” [Stone Statues of Southern Siberia and Mongolia], MIA, no. 24, p. 72–120. (In Russ.).
5. Grach, A. D. (1961), “Drevnetyurkskiye izvayaniya Zapadnoy Tuvy” [Ancient Turkic Statues of Western Tuva], Moscow, Publishing House of the Eastern literature, 94 p. (In Russ.).
6. Kyzlasov, L.R. (1969), “Istoriya Tuvy v sredniye veka” [History of Tuva in the Middle Ages], Moscow, MSU, 212 p. (In Russ.).
7. Kyzlasov, L. R. (1979), “Drevnyaya Tuva (ot paleolita do IX v.)” [Ancient Tuva (from the Paleolithic to the 9th century)], Moscow, MSU, 207 p. (In Russ.).
8. Mintslov, S. R. (1916), “Pamyatniki drevnosti v Uryankhayskom kraye” [Monuments of Antiquity in the Uryankhai Region], Petrograd, Publishing House of Imper. Sciences Academy, 22 p. (In Russ.).
9. Samdan, A. A. (2018), “Antiman’chzhurskaya natsional’no-osvoboditel’naya bor’ba tувинского народа (XVIII – nachalo XX v.)” [Anti-Manchu National Liberation Struggle of the Tuvan People (XVIII - early XX century)], Abakan, Zhurnalists, 61 p. (In Russ.).
10. Shmonievsky, B. Sh. (2013), “Obraz l’va v izobrazitel’nom iskusstve Kitaya: svyazuyushcheye zveno mezhdu Vostokom i Zapadom (ot Khan’ do Tsina)” [The Image of the Lion in the Art of China: The Connecting Link between the East and the West (from Khan to Tsin)]

a Lion in the Fine Arts of China: a Link between the East and the West (from Han to Qing)], *Uchenye zapiski otdela Kitaja*, Moscow, IV RAN, issue 11, p. 456-468. (In Russ.).

11. Appelgren-Kivalo, O. H. (1931), "Alt-Altaische Kunstdenkmäler. Briefe und Bilder-material von J. R. Aspelins Reisen in Sibirien und der Mongolei 1887–1889". Helsingfors, 72 p. (In Germ.).

12. Gmelin, G. "Reise durch Sibirien von dem Jahre 1733-1743. (1752)", Göttingen, vol. 3, p. 323. (In Germ.).

Информация об авторе:

Аяна И. Куулар, научный сотрудник, Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва, Кызыл, Россия; Россия, Республика Тыва, 667000, ул. Кочетова, д. 4, amphitrida@mail.ru.

Information about the author:

Ayana I. Kuular, Researcher, Tuvan Institute of Humanitarian and Applied Social and Economic Research Under the Government of the Republic of Tuva, Kyzyl, Russia; 4 Kochetov str., Kyzyl, 667000, the Republic of Tuva, Russia, amphitrida@mail.ru.

© Куулар А. И., 2022

ФИЛОЛОГИЯ

Научная статья
УДК 398.2

**ИНДИЙСКИЕ СЮЖЕТЫ В ЭПИЧЕСКОЙ И
СКАЗОЧНО-МИФОЛОГИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ ТУВИНЦЕВ****Зоя Б. Самдан**

Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник, Кызыл, Республика Тыва, Россия, samdan-sn@yandex.ru.

Аннотация. В статье рассматриваются формы заимствования и особенности бытования книжных памятников Востока в эпической и сказочно-мифологической традиции тувинцев. В Туве в устной форме бытовали оригинальные версии «Гэсэриады»¹, «Повести о Хан-Харангуе»², «Джангара»³ и переводные, главным образом, с тибетского, санскритского языков – сборники сказаний и сказок «Панчатантра»⁴, «Бигармижид-хан»⁵, «Ардж-Бордж-хан»⁶, «Волшебный мертвец»⁷ и др. Автор обращает внимание на сюжеты из знаменитого цикла индийских рассказов «Бирбалиана»⁸, которые нашли отголоски в Туве в виде затейливых обширных сказочных сюжетов – «Мудрая девушка», «Хан, которого одолела истина» и др. Автор также подчеркивает большую роль сказителей и лам, владеющих старомонгольской и тибетской письменностью, благодаря которым в устной форме распространились в Туве заимствованные сюжеты книжных памятников Востока. В статье обосновывается мысль о бытовании в Туве заимствованных сюжетов, которые свидетельствуют о причастности предков тувинцев к формированию общих очагов письменности и эпической поэзии – к саяно-алтайской и центрально-азиатской зональной эпической общности. Эти заимствованные сюжеты подтверждают мнение о

¹ «Гэсэриада» – национальный эпос, эпический цикл устных и письменных сказаний о Гэсэр-хане в Центральной и Восточной Азии [Аранчин, 1976, с. 7].

² «Повесть о Хан-Харангуе» – в мифологии монгольских народов эпический герой, осмысливаемый как грозное божество, как дух, покровительствующий эпической поэзии [Аранчин, 1976, с. 7-9].

³ «Джангар» – калмыцкий героический эпос, повествующий о стране счастья и благоденствия Бумба и подвигах её богатырей [Туденов, 1986, с. 84-109].

⁴ «Панчатантра» – памятник санскритской повествовательной прозы, самые ранние сохранившиеся его рукописи относятся к XI столетию [Аранчин, 1976, с. 4-6].

⁵ «Бигармижид-хан» – монгольский литературный памятник о хане Бигармижид, прообразом которого послужили герои индо-тибетских повествовательных сборников [Аранчин, 1976, с. 5].

⁶ «Ардж-Бордж-хан» – сохранившаяся форма древнеиндийских рассказов о троне Викрамадитьи [Аранчин, 1976, с. 5].

⁷ «Волшебный мертвец» – разнообразные произведения древней индийской литературы, распространившиеся с древних времен среди монгольских народов [Аранчин, 1976, с. 5-6].

⁸ «Бирбалиана» – цикл забавных рассказов, сказок и анекдотов про великомудрого и хитроумного Бирбала, который можно рассматривать как сатирическую линию в литературе индийского возрождения [Самдан, 1988, с. 453].

живом процессе взаимодействия и взаимообогащения культур народов Центральной Азии, в том числе тувинцев.

Ключевые слова: тувинский фольклор, эпическая и сказочно-мифологическая традиция, устные опосредованные заимствования, индо-тибето-монгольские сюжеты

Для цитирования: Самдан З. Б. «Индийские сюжеты в эпической и сказочно-мифологической традиции тувинцев» // *Азиатские исследования: история и современность*. 2022. № 3. С.70-80. DOI: 10.24412/2782-6139-2022-3-70-79

INDIAN STORIES IN THE EPIC AND FABULOUS MYTHOLOGICAL TRADITION OF THE TUVINIANS

Zoya B. Samdan

Tuvan Institute of Humanitarian and Applied Social and Economic Research under the Government of the Republic of Tuva, Cand. of Sci. (Philology), Leading Researcher, Kyzyl, Republic of Tuva, Russia, samdan-sn@yandex.ru.

Abstract. The article examines the forms of borrowings and the peculiarities of the existence of book monuments of the East in the epic and fairy-tale-mythological tradition of the Tuvinians. In Tuva, the original versions of the "Gesariad", "The Tale of Khan-Harangu", "Jangar" and the versions of tales and fairy tales "Panchatantra", "Bigarmizhid Khan", "Arj-Borj Khan", "The Magical Dead", translated mainly from Tibetan, Sanskrit languages, existed orally. The author draws attention to the plots from the famous cycle of Indian stories "Birbaliana", which found echoes in Tuva in the form of intricate extensive fairy-tale plots - "The Wise Girl", "The Khan who was overcome by the truth", etc. The author also emphasizes the great role of storytellers and lamas who knew old Mongolian and Tibetan, thanks to whom the borrowed plots of book monuments of the East spread orally in Tuva. The article substantiates the idea of the existence of borrowed plots in Tuva, which indicate the involvement of the ancestors of Tuvans in the formation of common centers of writing and epic poetry - to the Sayano-Altai and Central Asian zonal epic community. These borrowed plots confirm the opinion about the living process of interaction and mutual enrichment of the cultures of the peoples of Central Asia, including Tuvinians.

Keywords: Tuvan folklore, epic and fabulous-mythological tradition, oral mediated borrowings, Indo-Tibeto-Mongolian story lines

For citation: Samdan, Z. B. (2022) "Indian Stories in the Epic and Fabulous Mythological Tradition of the Tuvinians", *Asian Studies: History and Modernity*, no. 3, p. 70-80. DOI: 10.24412/2782-6139-2022-3-70-79

Введение

Проблема самоидентификации народов, определение истоков их самобытной духовной культуры в условиях глобализации современного мира в настоящее время приобретает все большую актуальность. Публикации текстов фольклорных памятников народов Саяно-Алтая и Центральной Азии, заметно активизировавшиеся за последние десяти-

летия, открывают широкие возможности для дальнейшего исследования глубинных пластов их духовной культуры. Особую актуальность они представляют для типологического исследования вопросов исторической поэтики в современном тувинском литературоведении.

Научная публикация текстов тувинского повествовательного фольклора в изданиях двуязычной 60-томной академической серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока»: «Тувинские народные сказки» [Тувинские народные сказки 1994], «Тувинские героические сказания» [Тувинские героические сказания 1997], «Мифы, легенды, предания тувинцев» [Мифы, легенды, предания тувинцев 2010], а также в сборнике «Чылбыга Айны канчап сырыпканыл?» («Почему Чылбыга проглатывает Луну?») [«Чылбыга Айны... 2004] серии «Аас чогаал тураскаалдары» («Памятники фольклора») подтверждает не только факт распространенности и живого бытования до современности древних сказаний тувинцев, но и открывает широкую возможность для теоретического осмысления вопросов тувинского повествовательного фольклора.

Связь тувинской эпической и сказочно-мифологической традиции с повествовательным фольклором других народов составляет одну из её ярких особенностей. Изучение этих связей продолжает оставаться одной из актуальных задач тувинской фольклористики.

В тувинской повествовательной традиции отражаются генетические, территориальные, прямые, опосредованные и другие контакты. Заимствования отражены либо в форме вкраплений в ткань произведения чужеродных деталей и мотивов, либо в форме бытования целых сюжетов и даже циклов. Наибольший пласт заимствованных сюжетов представляют переработки произведений, занесённых в Туву из Индии, Тибета через Монголию. В Туве широко бытовали в устной форме сюжетные переложения известных письменных памятников Востока.

Объектом исследования в данной статье являются произведения тувинского повествовательного фольклора и тексты книжных памятников Востока. Предмет исследования – тема заимствованных сюжетов в фольклорной традиции тувинцев. Целью статьи является обобщающий анализ особенностей и форм бытования заимствованных сюжетов индо-тибето-монгольского происхождения в тувинской эпической и сказочно-мифологической традиции, который предпринимается впервые. Сравнительный анализ тувинских версий этих сюжетов с известными книжными памятниками Востока дает возможность выявить общие и особенные черты в развитии повествовательного фольклора тувинцев,

что может подтвердить гипотезу об их причастности к единой зональной эпической общности.

К публикации и исследованию известных книжных памятников тюрко-монгольского фольклора, в частности эпических сказаний о Гэсэре и Хан-Харангуе, в Туве впервые обратились ученые Д. С. Куулар и Ю. Л. Аранчын еще в 1960-70-е гг. [Куулар 1961; Аранчын 1976]. Опосредованные устные заимствования в сказочной традиции тувинцев впервые анализируются в статье автора данных строк [Самдан 1988]. Индо-тибето-монгольская «обрамленная повесть» в тувинской сказочной традиции специально исследована в монографии А. С. Донгак [Донгак 2010]. В 2020 г. она же в соавторстве с Б. Баярсайханом и О. М. Саая составила и опубликовала на тувинском языке фольклорный сборник «Мигир-Мижит хаан». В этот сборник впервые вошли в полном составе устные варианты известных тувинских сказок в жанре «обрамленная повесть», основанные на сюжетах литературных памятников Древней Индии, Тибета и Монголии [Мигир-Мижит хаан 2020].

Важнейшим фактором для сохранения архаической культуры тувинцев, как и других народов традиционных обществ, явилось то обстоятельство, что центры формирования письменности совпадали с очагами возникновения и бытования величайших памятников эпической поэзии. Среди этих очагов исследователи выделяют Саяно-Алтайский и более широкий ареал – Центрально-Азиатский центры зарождения эпоса. В конце 1980-х гг. литературовед и фольклорист Г. О. Туденов впервые теоретически обосновал концепцию о саяно-алтайском и центрально-азиатском центрах формирования письменности и очаге возникновения и бытования великих памятников эпической поэзии, образовавших зональную эпическую общность [Туденов 1986]. Его концепция о зональной эпической общности является методологически результативным для исследования заданной нами темы.

Эпическая традиция и эпическое сознание предков тюрко-монгольских народов Центральной Азии и прилегающих к ней районов Южной Сибири, по обоснованному утверждению Г. О. Туденова, сформировались и одновременно образовали зональную эпическую общность до возникновения орхоно-енисейской рунической письменности и литературы в VII веке н.э. [Туденов 1986, с. 84-109]. Сравнительное изучение эпических сказаний тюрко-монгольских народов с текстами орхоно-енисейских рунических памятников VI-IX вв. приводит ученых к выводу о том, что у предков этих народов наряду с древней письменностью существовало развитое эпическое сознание и устоявшаяся традиция ар-

хаического эпоса [Жирмунский 1968, с. 74-82; Стеблева 1972, с. 213-226; Ауэзов 1961, с. 15-18; Гребнев 1960, с. 58; Суразаков 1981, с. 40].

Результаты исследования

Центрально-Азиатский центр зарождения письменности и эпоса, к которому тувинцы были приобщены в силу исторических условий, играет важную роль в изучении эпического и сказочно-мифологического наследия тувинцев.

Начало распространения буддизма в Монголии относится к эпохе Чингис-хана. Однако широкое распространение ламаизм, как ветвь буддизма, получил лишь в XVI в., после заключения в 1577 г. союза между новой буддийской церковью в Тибете и Алтын-ханом. Через посредство монгольских лам особенно широко ламаизм проник в Туву со второй половины XVIII в., после завоевания ее маньчжурами [Гребнев 1960, с. 56-57].

Влияние буддизма более всего было распространено на территории приграничных с Монголией районов Тувы, а также в тех местах, где раньше располагались буддийские монастыри хурээ. Носителями и исполнителями этих сюжетов в основном были служители культа – ламы, писари, послушники или их потомки [Куулар 1961, с. 192-193].

Прямые или косвенные заимствования буддийских воззрений или их отдаленные отголоски проникли в Туву под влиянием произведений книжного эпоса, но распространившихся через устную традицию тувинцев. Как известно, буддийское вероучение излагали «Перевод вещаний Будды» – «Ганджур»⁹ (108 томов) и комментарии к нему «Данджур» (225 томов), а также иллюстрирующие принципы буддизма извлечения из «Ганджура», сборники – «Море притч» («Оюн дүлгүүр»¹⁰) и др. Бытовали отдельные мотивы или упоминания имен святых и божеств буддийского пантеона – Шакьямуни (тув. Шигемуни), Ананда (тув. Ананды), Очирвани (тув. Очур-Маанай) и т.д.

У тувинцев в устной форме бытовало немало эпических произведений, проникших из монгольских письменных источников [Туденов 1986, с. 84-109]. Среди них имеются оригинальные версии «Гэсэриады», «Повести о Хан-Харангуе», «Джангара» [Аранчин 1976, с. 118; Куулар 1961,

⁹ «Ганджур» (тиб. bka'gyur; тув. канчыыр), буддийский канон на тибетском языке. Собрание памятников письменности, переведенных с санскритского, китайского, уйгурского, кашмирского, хотанского и др. языков [Урянхаско-тувинская энциклопедия, т. I, 2021, с. 242].

¹⁰ «Море притч» («Оюн дүлгүүр») – произведения древней индийской литературы, распространившиеся с древних времен среди монгольских народов, со старомонгольского на тув. язык перевел буддийский лама Оюн Люндуп-хелин [НА ТИГПИ, т. 152, д. 595 а, б, в, г].

с. 192-193] и переводные, главным образом, с тибетского, санскритского языков – сборники сказаний и сказок «Панчатантра», «Бигармижид-хан», «Ардж-Бордж-хан», «Волшебный мертвец» [Волшебный мертвец 1923, с. 19]. Из сборника сказок «Волшебный мертвец», известного также под названиями «25 рассказов Веталы», «Рассказы Роланга», «Сидди-Кюр», в Туве бытуют сюжеты: «Семь волшебников и царевич», «Царевич Наран-Герель и Саран-Герель», «Ананды-плотник и Ананды-живописец», «Царь с ослиными ушами», «Пляшущая лягушка и говорящий попугай» [Самдан 1988, с. 453-454; Донгак 2010, 178 с.].

У тувинских версий – другие названия, наблюдается заметная творческая переработка сюжета. Так, если в конце монгольской версии сказки о семи волшебниках братья с помощью своих необыкновенных способностей спасают царевну и, отдав её в жёны одному из царевичей, потом из зависти убивают её, то в одном из вариантов тувинской версии дочь хана сама выбирает из семи братьев своим женихом брата-стрелка, который расстался со своей стрелой и лишился магической силы. Другой вариант тувинской сказки «Семеро братьев» [Тувинские народные сказки 1994, с. 292-301] заканчивается этиологической концовкой космогонического содержания – дангына превращает семь братьев в созвездие Большой Медведицы, а себя – в Луну. В версиях монгольского рассказа «Царевич Наран-Герель и Саран-Герель» и тувинской сказки «Хан, которого одолела истина» одинаковы только начало и конец о кознях ханской жены, а в основной части сюжета они во многом отличаются друг от друга. Сюжет о кознях старших жен популярен в Туве и под названием «Хан Хандырба»¹¹. В монгольском варианте «Пляшущая лягушка и говорящий попугай» царь надевает платье из сорочьих шкурок и этим смешит героиню, в тувинской сказке «Рыбак Багай-оол» хан надевает доху из медвежьей шкуры [Тувинские народные сказки 1994, с. 340-351].

До нас дошли отдельные сюжеты из знаменитого цикла индийских рассказов – так называемой Бирбалианы. Отголоски этих забавных коротких рассказов про великомудрого и хитроумного Бирбала вошли в тувинский фольклор в виде отдельных мотивов, которые развились потом в затейливые сюжеты. Так, сюжет рассказа «Достань воловье молоко» трансформировался в популярную тувинскую сказку-загадку о мудрой девушке «Сумелдей, ходивший за молоком» [Тувинские народные сказки 1994, с. 306-321]. В сказку «Хан, которого одолела истина» вкраплен

¹¹ Научный архив ТИГПИ при Правительстве РТ (НА ТИГПИ), т. 34, д. 144; т. 16, д. 75; т. 213, д. 859.

назидательный мотив – как отличить правду от лжи.

Индийские сюжеты из «Панчатантры» (в персидской переработке – «Калила и Димна») в Туве, видимо, распространились в виде монгольских версий. Мы в этом убеждаемся, сравнивая бытующие в Туве сюжеты («Кот-наставник», «Лев и муравей») с монгольской рукописью А. В. Бурдукова, которую опубликовал академик Б.Я. Владимирцов [Владимирцов 1925, с. 436-438]. Тувинская версия первого соответствует рассказу о «Мышах и кошках» из этого сборника. В ней нет мотива с колокольчиками, который есть, например, в сирийской и арабской версиях, действие происходит в степи, точнее – в ложине («ой бажы»), мыши строят коту соломенное гнездо. В тувинской версии добавлена этиологическая концовка.

Как видно из приведенных примеров, письменные памятники Востока проникли в Туву через устную опосредованную форму заимствований. Раскрывая пути распространения буддийских сюжетов индийского происхождения среди народов центральноазиатского региона, академик Б.Я. Владимирцов справедливо подчеркивал большую роль степных грамотеев и лам [Владимирцов 1925, с. 436-438]. Действительно, и в Туве большинство неграмотных, но обладающих феноменальной памятью сказителей подхватывали эти сюжеты у отдельных грамотеев, знающих старомонгольскую и тибетскую письменность и пересказывали их слово в слово. Так, пересказы находили себе благоприятную почву и широко распространялись благодаря даровитым и памятьливым слушателям-сказочникам.

Восприятие какого-либо инородного сюжета в определённой среде – явление не случайное. Указывая на теоретическую возможность выделения национального в международном, академик А.Н. Веселовский отмечал, что «усвоение пришлого сказочного материала немыслимо без известного предрасположения к нему в воспринимающей среде». Там же он писал: «Нельзя отрицать у народа, подверженного сказочному наплыву, права и желания выбора: одно запоминается лучше, чем другое, потому что интереснее, появляются излюбленные сказочные герои, вокруг которых циклизуются пришлые и свои рассказы» [Веселовский 1938, с. 221].

Естественно, сказочные сюжеты монгольского, индийско-тибетского происхождения прижились в тувинской среде вследствие длительных тесных контактов тувинцев и монголов, соседей, входивших некогда в состав единых государственных образований, сходства хозяйственного уклада, образа жизни, материальной и духовной культуры и т.д.

Заключение

В результате анализа заимствованных сюжетов в тувинской фольклорной традиции, автор приходит к выводу, что в Туве были распространены устные версии сюжетов и эпической, и сказочной традиции народов Востока, что подтверждает гипотезу об участии предков тувинцев в формировании общих очагов письменности и устной поэзии саяно-алтайской и центрально-азиатской зональной эпической общности. Начатые текстологические и монографические исследования индо-тибетомонгольских заимствованных сюжетов в тувинской сказочной традиции расширяют возможности для типологического исследования текстов тюрко-монгольского фольклора. В настоящее время, когда в России, Монголии и Китае активизировались исследования всемирно известных эпических памятников тюрко-монгольских народов – «Гэсэра», «Джангара», «Хан-Харангуя» – дальнейшее углубленное изучение их тувинских версий ждёт своих исследователей.

Литература:

1. Аранчин 1976 – *Аранчин, Ю. Л.* Эге чүүл (Предисловие) / Эрниц экизи Хан-Харангуй (Добрый молодец Хан-Харангуй). Монгольское народное сказание. Пер. с монг. на тув. яз. Ю.Л. Аранчина. Кызыл: Тувинск. кн. изд-во, 1976. 118 с.
2. Ауэзов 1961 – *Ауэзов, М. О.* Киргизская народная героическая поэма «Манас» // Киргизский героический эпос «Манас». М., Изд-во Академии наук СССР, 1961. С. 15-84.
3. Веселовский 1938 – *Веселовский, А. Н.* Статьи о сказке, 1868-1890 // Собр. соч. М.; Л., 1938. т. XVI. С. 221.
4. Владимирцов 1925 – *Владимирцов, Б. Я.* Монгольский сборник рассказов из Панчатантры // Сборник Музея антропологии и этнографии. Л., 1925. Т. V, вып. 2: К 80-летию акад. В. В. Радлова. С. 401-552.
5. Волшебный мертвец 1923 – Волшебный мертвец / Пер., предисл. и примеч. В. Я. Владимирцова. СПб., 1923. 119 с. Изд. 2-е. М., 1958. 160 с.
6. Гребнев 1960 – *Гребнев, Л. В.* Тувинский героический эпос: опыт историко-этнографического анализа. М.: Восточная литература, 1960. 147 с.
7. Донгак 2010 – *Донгак, А. С.* Индо-тибетомонгольская «обрамленная повесть» в тувинской сказочной традиции. Абакан, ООО «Кооператив «Журналист», 2010. 178 с.
8. Жирмунский 1968 – *Жирмунский, В. М.* Орхонские надписи – стихи или проза? // Народы Азии и Африки. 1968, № 2. С. 74-82.
9. Забавные рассказы 1973 – Забавные рассказы про великомудрого и хитроумного Бирбала. 2-е изд., испр. М., 1973. 270 с.
10. Куулар 1961 – *Куулар, Д. С.* Бытование «Гэсэра» В Туве // Ученые записки ТНИИЯЛИ. Кызыл, 1961. Вып. IX. С. 192-193.
11. Мигир-Мижит хаан 2020 – Мигир-Мижит хаан / Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва; сост. А. С. Донгак, Б. Баярсайхан, О. М. Саая. Кызыл: Тип. МБОУ КЦО «Аныяк», 2020. 180 с.

12. Мифы, легенды, предания 2010 – Мифы, легенды, предания тувинцев / Сост. Н. А. Алексеев, Д. С. Куулар, З. Б. Самдан, Ж. М. Юша. Новосибирск: Наука, 2010. 372 с. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; т. 28).
13. Самдан 1988 – Самдан, З. Б. Взаимодействие тувинской сказки со сказочными традициями других народов / Материалы Международной тюркологической конференции «Тюркология-88». Фрунзе: Илим, 1988. С. 453-454.
14. Семеро братьев 1994 – Семеро братьев // Тувинские народные сказки / Сост. З. Б. Самдан. Новосибирск: Наука, 1994. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; т. 8). С. 292-301; 306-321; 340-351.
15. Стеблева 1972 – Стеблева, И. В. К реконструкции религиозно-мифологической системы // Тюркологический сборник. М.: ГРВЛ, 1972. С. 213-226.
16. Сумба 2021 – Сумба, Р. П. Ганджур // Урянхайско-тувинская энциклопедия. Т. I. Кызыл: ООО «ИПП «Журналист», 2021. С. 242.
17. Сузараков 1982 – Сузараков, С. С. Сходные черты стиля в орхонских надписях и эпосе тюркоязычных народов // Из глубины веков. – Горно-Алтайск, 1982. С. 250-259.
18. Тувинские народные сказки 1994 – Тувинские народные сказки / Сост. З. Б. Самдан. Новосибирск: Наука, 1994. 460 с. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока, т. 8).
19. Тувинские героические сказания 1997 – Тувинские героические сказания / Сост. С. М. Орус-оол. Новосибирск: Наука, 1997. 584 с. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока, т. 12).
20. Туденов 1986 – Туденов, Г. О. О зональной общности формирования эпоса народов Центральной Азии с Южной Сибири // Культура Монголии в средние века и новое время. Улан-Удэ: БФ СО АН СССР, 1986. С. 84-109.
21. Чылбыга Айны 2004 – Чылбыга Айны канчап сырыпканыл? Тыва улустун бурун-чугаалары (Почему Чылбыга проглатывает Луну? Тувинские мифы) / Сост. З. Б. Самдан. Кызыл: Тувинск. кн. изд-во, 2004. 256 с.

References:

1. Aranchyn, Yu. L. (1976) "Ege chuul", *Erniң ekizi Khan-Kharangui (Dobryi molodets Khan-Kharangui). Mongol'skoe narodnoe skazanie* [Preface. The Good Fellow Haan-Harangui. Mongolian Folk Tale], transl. into Russian by Yu.L. Aranchyn, Kyzyl, Tuvinsk. kn. izd-vo, 118 p.
2. Auezov, M. O. (1961) "Kirgizskaya narodnaya geroicheskaya poema "Manas" [Kyrgyz Folk Heroic Poem "Manas], *Kirgizskii geroicheskii epos «Manas»*, Moscow, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, p. 15-84.
3. Veselovskii, A. N. (1938) "Stat'i o skazke 1868-1890. Sobr. soch." [Articles about the Fairy Tale 1868-1890. Collected Works], Moscow, Leningrad, vol. XVI, p. 221.
4. Vladimirtsov, B. Ya. (1925) "Mongol'skii sbornik rasskazov iz Panchatantry" [Mongolian Collection of Short Stories from Panchatantra], sbornik Muzeya antropologii i etnografii. Leningrad, vol. V, issue 2: to the 80th anniversary of the academician V. V. Radlov, p. 401-552.
5. "Volshebnyi mertvets" (1923) [The Magical Dead Man], per., predisl. i primech. V. Ya. Vladimirtsova, SPb, 119 p.
6. Grebnev, L. V. (1960) "Tuvinskii geroicheskii epos: opyt istoriko-etnograficheskogo analiza" [Tuvan Heroic Epic: the Experience of Historical and Ethnographic Analysis], Moscow, Vostochnaya literatura, 147 p.

7. “Dongak, A. S. (2010) “Indo-tibeto-mongol’skaya «obramlennaya povest’» v tuvinskoi skazochnoi traditsii” [Indo-Tibeto-Mongolian “Framed Story” in the Tuvan Fairy Tale Tradition], Abakan, OOO “Kooperativ “Zhurnalist”, 178 p.
8. Zhirmunskii, V. M. (1968) “Orkhonskie nadpisi – stikhi ili proza?” [Orkhon Inscriptions – Are They Poetry or Prose?], *Narody Azii i Afriki*, no. 2, p. 74-82.
9. “Zabavnye rasskazy pro velikomudrogo i khitroumnogo Birbala” (1973) [Funny Stories about the Wise and Cunning Birbal], second edition, corrected, Moscow, 270 p.
10. Kuular, D. S. (1961) “Bytovanie «Gesera» v Tuve” [The Presence of Gesar in Tuva], *Uchenye zapiski TNIYaLI*, Kyzyl, issue IX, p. 192-193.
11. “Migir-Mizhit khan” (2020) [Migir-Mizhit Khan], sost. A. S. Dongak, B. Bayarsayhan, O. M. Saaya, Kyzyl, Tip. MBOU KTSO «Anyak», 180 p.
12. “Mify, legendy, predaniya” (2010) [Myths, Legends and Tales], sost. N. A. Alekseev, D. S. Kuular, Z. B. Samdan, Zh. M. Yusha, Novosibirsk, Nauka, 372 p. (Pamyatniki fol’klora narodov Sibiri i Dal’nego Vostoka; vol. 28).
13. Samdan, Z. B. (1988) “Vzaimodeistvie tuvinskoi skazki so skazochnymi traditsiyami drugikh narodov” [Interaction of the Tuvan Fairy Tale with the Fairy-Tale Traditions of Other Peoples], *Materialy Mezhdunarodnoi tyurkologicheskoi konferentsii «Tyurkologiya-88»*, Frunze, Ilim, p. 453-454.
14. “Semero brat’ev” (1994) [Seven Brothers], *Tuvinskie narodnye skazki*, sost. Z. B. Samdan, Novosibirsk, Nauka, p. 292-301, 306-321, 340-351. (Pamyatniki fol’klora narodov Sibiri i Dal’nego Vostoka; vol. 8).
15. Stebleva, I. V. (1972) “K rekonstruktsii religiozno-mifologicheskoi sistemy” [Towards the Reconstruction of the Religious and Mythological System], *Tyurkologicheskii sbornik*, Moscow, GRVL, p. 213-226.
16. Sumba, R. P. (2021) “Gandzhur” [Ganjur], *Uryankhaisko-tuvinskaya entsiklopediya*, vol. I, Kyzyl, OOO «IPP «Zhurnalist», p. 242.
17. Surazakov, S. S. (1982) “Skhodnye cherty stilya v orkhonskikh nadpisyakh i epose tyurkoyazychnykh narodov” [Similar Features of the Style in the Orkhon Inscriptions and the Epic of the Turkic-Speaking Peoples], *Iz glubiny vekov*, Gorno-Altaysk, p. 250-259.
18. “Tuvinskie narodnye skazki” (1994) [Tuvan Folk Tales], sost. Z. B. Samdan, Novosibirsk, Nauka, 460 p. (Pamyatniki fol’klora narodov Sibiri i Dal’nego Vostoka, vol. 8).
19. “Tuvinskie geroicheskie skazaniya” (1997) [Tuvan Heroic Tales], sost. S. M. Orusool, Novosibirsk, Nauka, 1997. 584 p. (Pamyatniki fol’klora narodov Sibiri i Dal’nego Vostoka, vol. 12).
20. Tudenov, G. O. (1986) “O zonal’noi obshchnosti formirovaniya eposa narodov Tsentral’noi Azii s Yuzhnoi Sibiri” [About the Zonal Community of the Formation of the Epic of the Peoples of Central Asia from Southern Siberia], *Kul’tura Mongolii v srednie veka i novoe vremya*, Ulan-Ude, BF SO AN SSSR, p. 84-109.
21. Chylbyga ainy kanchap syrypkany! Tyva ulustun burun-chugaalary” (2004) [Why does Chilbyga Swallow the Moon? Tuvan myths], sost. Z. B. Samdan, Kyzyl, Tuvinsk. kn. izd-vo, 256 p.

Информация об авторе:

Зоя Б. Самдан, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник, Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва, Кызыл, Республика Тыва, Россия Кызыл, Россия;

Россия, Республика Тыва, 667000, ул. Кочетова, д. 4, samdan-sn@yandex.ru.

Information about the author:

Zoya B. Samdan, Cand. of Sci. (Philology), Leading Researcher, Tuvan Institute of Humanitarian and Applied Socio-Economic Research under the Government of the Republic of Tuva, Kyzyl, Russia; 4 Kochetov str., Kyzyl, 667000, the Republic of Tuva, Russia, samdan-sn@yandex.ru.

© Самдан З. Б., 2022

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Научная статья

УДК 008

ТРАДИЦИОННАЯ МУЗЫКАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА ТУВЫ В СИСТЕМЕ КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИХ ПАРАДИГМ СОВРЕМЕННОСТИ

Валентина Ю. Сузукей

Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва, доктор культурологии, главный научный сотрудник, Кызыл, Россия, vsuzukei@mail.ru.

Аннотация. В работе рассмотрена роль базовых (как вокальных, так и инструментальных) параметров тувинской музыкальной культуры, которые, несмотря на социальные и политические преобразования, сохраняют своеобразную конфигурационную устойчивость. Актуальность темы продиктована также и суще-

ствующими концептуальными расхождениями (несоответствиями) между музыкальной практикой и научным ее освоением. Причины этих расхождений были заложены культурной политикой советского государства, стремившегося к унификации культуры на всей территории супердержавы исключительно на основе европейской модели развития музыкального творчества. Актуальность рассматриваемой темы обусловлена также назревшей необходимостью научного осмысления аксиологического аспекта традиционной культуры в условиях периода ценностных кризисов, ломки сложившейся системы и поиска новых культурных оснований и ориентаций.

В результате проведенных исследований автор приходит к выводу, что определение традиции как «непрофессиональной» не означает абсолютного отсутствия в ней своей концепции становления и развития звуковых музыкальных построений. Эти знания веками передавались из поколения в поколение изустно. Устная традиция имеет *свои профессиональные механизмы* передачи знаний, и задача познания специфических закономерностей, не изложенных в письменном виде, является проблемой исключительно науки, а не самой традиции.

Ключевые слова: традиционная музыкальная культура, устойчивость культуры, социальные преобразования, период ТНР, культурная политика в советский период, распад СССР, постсоветский период

Для цитирования: Сузукей В.Ю. «Традиционная музыкальная культура Тувы в системе культурологических парадигм современности» // Азиатские исследования: история и современность. 2022. № 3. С.81-91. DOI: 10.24412/2782-6139-2022-3-81-91

TRADITIONAL MUSICAL CULTURE OF TUVA IN THE CONTEXT OF CULTURAL PARADIGMS OF MODERNITY

Valentina Yu. Suzukei

Tuvan Institute of Humanitarian and Applied Socio-Economic Research under the Government of the Republic of Tuva, Kyzyl, Russia, vsuzukei@mail.ru.

Abstract. The paper considers the role of the basic parameters of Tuvan musical culture, which, despite social and political transformations, retain a kind of configurational stability, which in itself is new and relevant. The relevance of the topic is also determined by the existing conceptual discrepancies (inconsistencies) between musical practice and its scientific development. The reasons for these discrepancies stemmed from the cultural policy of the Soviet state, which sought to unify culture throughout the territory of the superpower solely on the basis of the European model for the development of musical creativity. The need for scientific understanding of the axiological aspect of traditional culture in the context of a period of value crises, breaking the existing system and searching for new cultural foundations and orientations also determines the relevance of the topic.

As a result of the research, the author comes to the conclusion that the definition of a tradition as “unprofessional” does not mean the absolute absence of its own concept of the formation and development of music. This knowledge was handed down orally from generation to generation for centuries. The oral tradition has its own professional mechanisms for the transfer of knowledge, and the task of knowing specific unwritten patterns is a problem exclusively of science, and not of the tradition itself.

Keywords: traditional musical culture, cultural stability, social transformations, the period of the TNR, cultural policy in the Soviet period, the collapse of the USSR, the post-Soviet period

For citation: Suzukei, V. Yu. (2022) “Traditional Musical Culture of Tuva in the Context of Cultural Paradigms of Modernity”, *Asian Studies: History and Modernity*, no. 3, p. 81-91.
DOI: 10.24412/2782-6139-2022-3-81-91

Введение

Одним из самых ярких и самобытных культурных центров Саяно-Алтайского региона является Тува. Ее музыка отличается многообразием музыкальных форм и жанров, их мелодическим богатством и неповторимым колоритом тембрового звучания. Особым богатством отличается как богатейшее инструментальное наследие тувинцев, так и хоомей. Сложившаяся с древнейших времен, музыкальная культура тувинцев на протяжении ряда столетий развивалась исключительно в системе традиционного уклада *кочевого* образа жизни, много веков сохраняя свою аутентичность и не претерпевая кардинальных перемен вплоть до 20-х годов XX столетия.

Специальных научных исследований по музыкальной культуре дореволюционной Тувы не существует. Тем не менее, разнообразие и широкое распространение в быту традиционных музыкальных инструментов и песенного творчества тувинцев привлекали внимание этнографов, историков, лингвистов, филологов-фольклористов, географов-путешественников, посещавших Туву в конце XIX — начале XX вв. и упоминаются в их исторических, археологических и этнографических работах по истории и культуре Тувы [Анохин 1902¹; Грумм-Гржимайло

¹ Материалы из фондов редких книг и рукописей г. Томска. Частный фонд А. В. Анохина. Научный архив ТИГПИ, рукописный фонд, д. 864.

1926; Каррутерс 1914; Катанов 1903; Кон 1903; Островских 1898; Радлов 1866; Райков 1898 и др.].

Собственно музыковедческие работы по традиционной музыкальной культуре тувинцев появились лишь в советское время. К настоящему времени существует достаточное количество серьезных монографических, в том числе и диссертационных, исследований как отечественных, так и зарубежных ученых [Благодатов 1958; Бюрбээ 1964; Дмитриев Л, Чернов 1992; Кыргыз 2002; Tongeren 2001; Levin 2002 и др.].

Однако состояние традиционной музыки Тувы в изменившихся условиях постсоветского периода пока еще никем не исследовалось. Целью настоящей статьи является попытка рассмотрения особенностей функционирования традиционной музыкальной культуры в контексте политических, идеологических и социально-экономических изменений современности.

Результаты исследования

XX век внес в ход истории человечества мирового масштаба революционные коррективы. Вдохновленный идеями социалистического строительства, тувинский народ с энтузиазмом приступил к творению новой культуры, решительно отбрасывая и отменяя все, что было априорно расценено как «примитивные, остаточные элементы феодализма». С 1921 года, начиная с создания Тувинской Народной Республики, начала меняться и традиционная конфигурация музыкальной культуры, что явилось отражением изменений ценностных ориентиров, связанных со строительством нового общества.

С появлением радио постепенно в Туве активно зазвучала европейская, русская и советская музыка. Особенно велико было влияние советской песни революционного содержания. Тувинское население, обучавшееся грамоте в красных юртах, также с энтузиазмом разучивало и распевало эти песни.

Правительством молодой республики была поставлена задача по созданию тувинской профессиональной музыки. Такая политика послужила причиной резкого сокращения элементов трудового и обрядового фольклора, традиционной инструментальной музыки и хоомея. За счет появления новых жанров композиторской музыки и аранжированных вариантов народной музыки, начал меняться и общий контур структурных элементов музыкальной культуры республики. Кроме того, результатом не совсем корректной «профессионализации»

традиционной музыки явились последствия в самооценке народных музыкантов, в вину которым ставилось незнание нотной грамоты. По этой причине происходили попытки адаптации народных музыкантов и мастеров к малопонятным с их точки зрения критериям оценок и терминам академической музыки. Результатом этого опыта явились и существенные изменения, которые вносились в конструктивные особенности народных инструментов. Изменения коснулись и всей эстетико-нормативной основы традиционной звуковой системы, на которую был ориентирован этнический «звукоидеал».

Трагичность ситуации того времени заключалась и в том, что революционность эпохи совпала с европоцентристскими предпочтениями философской и эстетической наук. Как отмечает искусствовед Т. Б. Будегечи, множество народов даже в XX столетии все ещё числились в «варварах»: «Сегодня становится очевидным, насколько ошибочно было измерять уровень духовного развития одного народа какими-то достоинствами другого, — пишет она, — ... эстетика и искусствоведение всё чаще и пристальнее начинают всматриваться в сохранивший пока самобытность художественный опыт неевропейских цивилизаций. Современная эстетика должна найти новый ключ к познанию духовного наследия этносов мира: у художественной культуры нет и быть не может единого исторического пути, по которому непременно должны пройти все народы, чтобы иметь право называться цивилизованными. Каждый этнос просто обречен на уникальность, на собственную художественную культуру и свое место в системе мировой цивилизации» [Будегечи 1995, с. 13].

Однако, бесспорно, и то, что ни одна из существующих в мире культур не находится в изоляции и не подлежит сомнению то, что столкновение и взаимодействие культур в контексте глобализационных процессов неизбежны. При этом изучение закономерностей формирования традиционных ценностных ориентиров и вектора их модификаций является наиболее актуальным и расширяет возможности толкования структуры, положения и роли музыкальной культуры тувинцев в мировом социокультурном пространстве. Новые тенденции развития региональных исследований являются следствием мировых цивилизационных процессов, ориентированных на свободное использование и дальнейшее развитие различных аспектов национальной культуры в соответствии с потребностями их носителей, а также определяемые общей направленностью и достижениями гуманитарной науки в целом. «Современный этап развития гуманитарного знания характеризуется обновлением

научного языка описания и объяснения реальности, усилением междисциплинарных связей, выявлением новых тенденций и процессов. Многие стереотипы сознания и поведения, признанные концепции сменяются под натиском происходящих изменений. Это состояние науки именуют “сменой парадигм”», пишет С. Н. Иконникова [Иконникова 2008, с. 115].

Тенденция переосмысления культурных ценностей все чаще и отчетливее просматривается почти во всех научных работах XX и XXI вв. как отечественных, так и зарубежных ученых в разных областях гуманитарных знаний. В результате осмысления не только европейской, но и мировой истории в науку приходит осознание не только линейного, но и циклического времени, в отличие от формационной, возникает теория цивилизаций, получившая свое дальнейшее развитие в трудах О. Шпенглера, А. Тойнби, Н. Данилевского, Л. Гумилева и других ученых. Культурологические парадигмы этого периода засвидетельствовали полный крах европоцентристских концепций, и создали базу для объективной оценки музыки неевропейских цивилизаций [Сузукей 2008, с.4].

С этой точки зрения тувинская традиционная музыкальная культура, как объект не только научного исследования, но и практического освоения, представляет собой уникальное явление в Саяно-Алтайском регионе. «Совокупность социальных и культурных сдвигов современных тюрков все чаще истолковывается как находящаяся на стадии модернистских преобразований. На сегодня все актуальнее становятся вопросы о роли тюркоязычных народов в развитии мировой цивилизации и изучение их вклада в сокровищницу мировых знаний – “научную копилку”» - отмечает и казахский ученый М. Улаков [Улаков 2004, с. 3].

В настоящее время в гуманитарных науках также активно обсуждаются проблемы этничности, идентичности, аутентичности и модернизационных процессов, наблюдаемых в традиционных культурах в контексте всеобщей глобализации. Тенденция глобализации и повсеместных культурных взаимодействий делает актуальным и значимым интерес к культурной отличительности особенно такой культуры, как тувинская, которая далека от того, чтобы уступить свое место унифицированной массовой культуре. В истории человечества много примеров исчезновения отдельных культур (как и «умирания» языков) в результате их «поглощения» более крупными культурами. В случае с тувинской музыкальной культурой можно наблюдать прямо противоположный эффект. Она привлекает к себе всеобщее внимание, завоевывая мировую

известность, и в немалой степени сама начинает оказывать влияние на мировое музыкальное сообщество. Только будучи целостной системой, традиционная музыкальная культура Тувы могла вбирать в себя новые веяния XX века, гибко реагируя на все изменения и оставаясь при этом сама собой.

Последнее десятилетие XX века, ознаменовавшееся распадом СССР, ослабило идеологический прессинг, сковывавший классовыми установками и временными ограничениями научную мысль. Пришло признание бесспорной ценности традиционной культуры, специфичности ее концептуальных установок и эстетики, без знания которых невозможно было адекватное понимание традиционной музыки. В период ломки сложившейся системы и поиска новых культурных оснований и ориентации существования человека особо важное значение приобрела и проблема изучения динамики аксиологического аспекта (аспекта системы ценностей).

В этом контексте фундаментальные знания по культуре используются в целях прогнозирования, проектирования и регулирования актуальных культурных процессов и также для *ретрансляции* культурного опыта в современную практику в соответствии с ценностными нормативами *самой* традиции. При этом изучение закономерностей формирования традиционных ценностных ориентиров и вектора их модификаций является наиболее актуальным для культурологического исследования, предметная область которого позволяет выйти за рамки специализированного музыковедческого исследования и расширяет возможности философского осмысления и толкования структуры, положения и роли музыкальной культуры Тувы и тувинских музыкантов в мировом социокультурном пространстве.

Нельзя не принять во внимание и тот факт, что благодаря социалистической революции, привнёсшей в интонационную культуру тувинцев-кочевников опыт иноэтнических звуковых построений, значительно расширился их кругозор и, соответственно, обогатился их музыкально-слуховой опыт. Наряду с профессионализмом устной традиции, который *регенерируется* носителями традиции интуитивно, тувинские музыканты осваивают и профессионализм европейского типа. Сегодня мы видим молодое поколение тувинских музыкантов, являющихся не только яркими носителями традиционной исполнительской культуры, но и имеющих профессиональную подготовку в области европейской академической музыки. Большим преимуществом этого поколения является и то, что оно фактически является «двуязычным» (имеются в виду как язык вербальный, так и музыкальный).

Социальные потрясения на постсоветском пространстве конца XX века, кардинально изменившие все сферы жизни, к сожалению, не коснулись взглядов 30-х годов, в соответствии с которыми традиционное искусство до сих пор классифицируется как «непрофессиональное». В этой ситуации возникла самая острая проблема современности: «непрофессиональные» народные музыканты, не имеющие социального *статуса* и материальной поддержки, не имеют никаких перспектив устроиться на работу «по специальности», поскольку не имеют документального подтверждения своей квалификации (диплома). Их признают только как самодеятельных музыкантов. Абсурдность данной ситуации усугубляется еще и тем, что в настоящее время тувинская традиционная музыка на международном уровне имеет самый высокий рейтинг. Вызывает тревогу и то, что в Республиканской школе искусств сокращается набор на отделение национальных инструментов, а в Кызылском училище искусств отсутствуют классы по фольклорным инструментам и хоомею. Причина этой ситуации заключается в отсутствии учебных программ, адекватных традиционной методике обучения. Выход видится в признании того, что настало время разработки Национально-регионального компонента государственного стандарта – музыкального образования Республики Тыва, а на основе этого стандарта разработки соответствующих учебных программ. Это одна из проблем современной системы (этнического, этнохудожественного) *профессионального* музыкального образования носителей традиционной культуры, требующей сегодня кардинального пересмотра. Иначе возникает вопрос: где еще, кроме Тувы, тувинские музыканты (и многочисленные поклонники тувинской музыки, жаждущие научиться играть именно на тувинских инструментах) могут научиться этому искусству игры? А обученные только по нотной системе ценностных координат (письменная методика по общеевропейской системе) музыканты фактически перестают быть носителями своей культурной традиции, – как справедливо отмечала казахский музыковед А. И. Мухамбетова [Мухамбетова 2002, с. 246.], – хотя обретают статус «профессионалов», то есть образованных или дипломированных музыкантов. В контексте современного развития поликультурных субъектов Российского государства XXI века продолжение этой политики является наследием идеологических установок советской эпохи.

В настоящее время «программы» по обучению игре на таких усовершенствованных инструментах, как оркестровые *игил*, *бызаанчы*, *дошпулуур*, *чадаган* являются лишь аналогами учебных программ по обучению игре на скрипке, виолончели, балалайке, домре и т.д.

Такая система обучения является полнейшей профанацией основ традиционной тувинской инструментальной культуры. В искусстве копия чего бы то ни было, никогда не ценилась так же высоко, как оригинал. Ведь аутентична и европейская музыка, когда ее исполняют на аутентичных (не на усовершенствованных), т.е. оригинальных инструментах. Сколько ни усовершенствуй *игил* или *бызаанчы*, модернизированные образцы этих инструментов никогда не будут звучать, как скрипки и виолончели, хотя логика их усовершенствований была направлена только на экстраполяцию опыта европейской инструментальной традиции.

Определение традиции как «непрофессиональной» не означает абсолютного отсутствия в ней своей концепции становления и развития звуковых музыкальных построений. Эти знания передавались из поколения в поколение изустно. Устная традиция имеет *свои профессиональные механизмы* передачи знаний и задача познания специфических закономерностей, не изложенных в письменном виде, является проблемой исключительно науки, а не самой традиции.

Опыт слухового восприятия кочевником звуков окружающей его природы и последующее преломление (трансформация) этого опыта в его художественном сознании и творчестве представляет собой уникальное явление, намного расширяющее то представление о музыке и музыкальности, которое дается академическим (классическим европейским) теоретическим музыкознанием, особенно в сфере тембровых звучаний. Искусство тувинских музыкантов ошеломило слушателей разных стран новизной и необычностью своего «природного» звучания.

Феноменальность тувинской музыкальной культуры заключается в том, что, несмотря на относительно немногочисленность носителей традиционной культуры, несмотря на широкомасштабный европоцентризм в период строительства социализма и, даже несмотря на массивную «атаку» поп-культуры с ее новейшими средствами звукозаписывающей аудио- и видеотехники, тувинская музыка сама в немалой степени начинает оказывать ощутимое влияние на мировое музыкальное сообщество. Этот специфический опыт в сфере музыкальной (шире – звуковой) культуры расценивается как уникальный вклад тувинцев в развитие общечеловеческой культуры.

Литература:

1. Благодатов 1958 – *Благодатов, Г. И.* Музыкальные инструменты народов Сибири // Сборник Музея антропологии и этнографии. Т. XVIII. М.–Л., 1958. С. 68-70.
2. Будегечи 1995 – *Будегечи, Т. Б.* Художественное наследие тувинцев / Мин-во

культуры Респ. Тува. Союз художников Респ. Тува. М. : Внешторгиздат, 1995. 153 с.

3. Бюрбээ 1964 – *Бюрбээ, С. М.* Музыкальный фольклор тувинцев // Ученые записки ТНИИЯЛИ. Вып. XI. Кызыл, 1964. С.296-304.

4. Грумм-Гржимайло 1926 – *Грумм-Гржимайло, Г. Е.* Западная Монголия и Урянхайский край. Т. III. Вып. I. Л. 1926. 415 с.

5. Дмитриев 1992 – *Дмитриев, Л. Б., Чернов, Б. П., Маслов, В. Т.* Тайна тувинского «дуэта» или свойство гортани человека формировать механизм аэродинамического свиста. Новосибирск: Новосиб. гос. консерватория им. М. И. Глинки и др., 1992. 88 с.

6. Иконникова 2008 – *Иконникова, С. Н.* Векторы и ориентиры культурологи и в пространстве глобализации // Фундаментальные проблемы культурологии: В 4-х т. Том I: Теория культуры / Отв. ред. Д. Л. Спивак. СПб.: Алетейя, 2008. С. 115-119.

7. Каррутерс 1914 – *Каррутерс, Д.* Неведомая Монголия и Урянхайский край. Петроград, 1914. 342 с.

8. Катанов 1903 – *Катанов, Н. Ф.* Опыт исследования урянхайского языка с указанием родственных отношений его к другим языкам тюркского корня. Казань: Типо-лит. Имп. Казанского ун-та, 1903. 527 с.

9. Кон 1934 – *Кон, Ф. Я.* Предварительный отчет по экспедиции в Урянхайскую землю // Известия РГО. Т. XXXIV. № 1. М., 1934. 296 с.

10. Кыргыз 2002 – *Кыргыз, З. К.* Тувинское горловое пение. Новосибирск: Наука, 2002. 236 с.

11. Мухамбетова 2002 – *Мухамбетова, А. И.* Казахская традиционная музыка и XX век. Алматы: Дайк-Пресс. 2002. – 544 с. С. 413-422.

12. Островских 1898 – *Островских, П. Е.* Краткий отчет о поездке в Тоджинский хошун Урянхайской земли // Известия РГО. Т. XXXIV. Вып. 4. СПб., 1898. 302 с.

13. Радлов 1866 – *Радлов, В. В.* Образцы народной литературы тюркских племен. Ч.1. СПб: Тип. Имп. акад. наук, 1866. 599 с.

14. Райков 1898 – *Райков, М.* Отчет о поездке к верховьям реки Енисей // Известия РГО. Т. XXXIV. Вып. 4. СПб., 1898. 302 с.

15. Сузукей 2008 – *Сузукей, В. Ю.* Культурологические парадигмы конца XX века и традиционная музыкальная культура Тувы // Мир науки, культуры, образования. Международный научный журнал. 2008. №3. С. 33-35.

16. Улаков 2004 – *Улаков, М. Б.* Новые тенденции развития региональных тюркологических исследований // Тюркология. Журнал Казахско-Турецкого университета им. А. Ясауи. Туркестан. 2004. №2. С. 3-7.

17. Levin, Suzukei 2006 – *Levin, T., Suzukei, V.* Where Rivers and Mountains Sing: Sound, Music and Nomadism in Tuva and Beyond. Indiana University Press, 2006. 281 p.

18. Tongeren 2002 – *Tongeren, M. C.* Overtone Singing. Physics and Metaphysics of Harmonics in East and West. Amsterdam, 2002. 271 p.

References

1. Blagodatov, G. I. (1958) “Muzykal’nye instrumenty narodov Sibiri” [Musical Instruments of the Peoples of Siberia], Sbornik muzeja antropologii i jetnografii, vol. XVIII, Moscow, Leningrad, p. 68-70.

2. Budegechi, T. B. (1995) “Khudozhestvennoe nasledie tuvintsev” [Artistic Heritage of Tuvinians], Moscow, Vneshtorgizdat, 153 p.

3. Burbee, S. M. (1964) “Muzykalnyi folklore tuvintsev” [Musical Folklore of Tuvinians], Uchenye zapiski TNIJaLI, issue XI, Kyzyl, p. 296-304.

4. Grumm-Grzhimailo, G. E. (1926) "Zapadnaya Mongolia i Urianhaiskii kraj" [Western Mongolia and Urianhai Region], vol. III, issue I, Leningrad: Nev. tip., 415 p.
5. Dmitriev, L. B., Chernov B. P., Maslov V. T. (1992) "Taina tuvinskogo "dueta" ili svoistvo gortani cheloveka formirovat' mehanizm aerodinamicheskogo svista" [The Secret of the Tuvan "Duet" or the Property of the Human Larynx to Form the Mechanism of Aerodynamic Whistling], Novosibirsk, Novosib. gos. konservatorija im. M. I. Glinki i dr., 88 p.
6. Ikonnikova, S. N. (2008) "Vektory i orientiry kulturologii v prostranstve globalizatsii" [Vectors and Landmarks of Cultural Studies in the Space of Globalization], Fundamentalnye problemy kulturologii, in 4 volumes, vol.1: Teoria kultury. St. Petersburg, Aleteia, p. 115-119.
7. Karruters, D. (1914) "Nevedomaya Mongolia i Urianhaiskii kraj" [Unknown Mongolia and Urianhai Region], Petrograd, 342 p.
8. Katanov, N. F. (1903) "Opyt issledovaniya uryanhaiskogo yazyka s ukazaniem rodstvennyh otnoshenii ego k drugim yazykam turksogo kornya" [The Experience of Studying the Uriankhai Language with an Indication of its Kinship Relations to other Languages of the Turkic Root], Kazan', Tipo-lit. Imp. Kazanskogo un-ta. 527 p.
9. Kon, F. YA. "Predvaritelnyi otchet po ekspeditsii v Urianhaiskuyu zemlyu" [Preliminary Report on the Expedition to Urianhai Land], *Izvestia RGO*, vol. XXXIV, no. 1, Moscow, 1934, 296 p.
10. Kyrgyz, Z. K. (2002) "Tuvinskoe gorlovoe penie" [Tuvan Throat Singing], Novosibirsk, Nauka, 236 p.
11. Muhambetova, A. I. (2002) "Kazahskaja tradicionnaja muzyka i XX vek" [Kazakh traditional music and the twentieth century], Almlty, Daik-Press, 544 p.
12. Ostrovckih, P. E. (1898) "Kratkii otchet o poezdke v Todzhiskii hoshun Urianhaiskoi zemli" [A Brief Report on a Trip to the Todzhinsky Hoshun of Urianhai Land], *Izvestia RGO*, vol. XXXIV, issue 4, St. Petersburg, 302 p.
13. Radlov, V. V. (1866) "Obratzy narodnoi literatury turkskih plemen" [Samples of Folk Literature of Turkic Tribes], ch.1, St. Petersburg, 599 p.
14. Raikov, M. (1898) "Otchet o poezdke k verhoviam reki Enisei" [Report on the Trip to the Upper Reaches of the Yenisei River], *Izvestia RGO*, vol. XXXIV. Issue 4, St. Petersburg, 302 p.
15. Suzukei, V.Yu. (2008) "Kulturologicheskie paradigmy kontsa XX veka i traditsionnaia muzykal'naia kultura Tuvy" [Cultural paradigms of the late twentieth century and the traditional musical culture of Tuva], *Mir nauki, kultury. Obrazobania. Mezhdunarodnyj zhurnal*, no.3, p.33-35.
16. Ulakov, M. (2004) "Novye tendentsii razvitia regionalnyh turkologicheskikh issledovaniy" [New Trends in the Development of Regional Turkic studies], *Zhurnal Kazahsko-Turetskogo universiteta A.Isaui. Turkologia*, no.2, p.3-7.
17. Levin, T., Suzukei, V. (2006) *Where Rivers and Mountains Sing: Sound, Music and Nomadism in Tuva and Beyond*, Indiana University Press, 281 p.
18. Tongeren, M. C. (2002) *Overtone Singing. Physics and Metaphysics of Harmonics in East and West*, Amsterdam, 271 p.

Информация об авторе:

Валентина Ю. Сузукей, доктор культурологии, главный научный сотрудник, Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований, Кызыл, Россия; 667000, Россия, Кызыл, ул. Кочетова, 4; vsuzukei@mail.ru.

Information about the author:

Valentina Yu. Suzukei, Doctor of Sci. (Culturology), Senior Researcher, Tuvan Institute of Humanitarian and Applied Socio-Economic Research, Kyzyl, Russia; 4, Kochetova str., Kyzyl, Russia, 667000; vsuzukei@mail.ru.

© Сузукей В. Ю., 2022

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Научная статья
УДК 314.4

ОПЫТ ЭКСТРАПОЛЯЦИИ ТРЕНДОВ ПРИ ПРОГНОЗЕ СМЕРТНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ ТУВЫ ОТ ВНЕШНИХ ПРИЧИН

Ильяна И. Донгак

Научно-исследовательский институт медико-социальных проблем и управления Республики Тыва, старший научный сотрудник, Кызыл, Россия, idupchur79@mail.ru.

Кара-Кыс Д. Аракчаа

Научно-исследовательский институт медико-социальных проблем и управления Республики Тыва, главный научный сотрудник, Кызыл, Россия, nii_mspu_rt@mail.ru.

Аннотация. В статье представлен анализ смертности населения Республики Тыва от внешних причин за 2012-2020 гг. Целью работы является анализ ряда показателей смертности от внешних причин, выбор методов прогнозирования показателей смертности. Одним из наиболее часто применяемых методов анализа и прогнозирования показателей смертности населения являются методы экстраполяции полиномиального тренда и тренда «скользящая средняя линия». Авторами показано, что наименьшую ошибку при прогнозировании на один шаг вперед дает метод экстраполяции тренда «скользящая средняя линия».

Ключевые слова: смертность, внешние причины, прогнозирование, методы экстраполяции, Республика Тыва

Для цитирования: Донгак И. И., Аракчаа К. Д. «Опыт экстраполяции трендов при прогнозе смертности населения Тувы от внешних причин» // Азиатские исследования: история и современность. 2022. № 3. С.92-99. DOI: 10.24412/2782-6139-2022-3-92-99

EXPERIENCE OF TREND EXTRAPOLATION IN FORECASTING MORTALITY AMONG THE POPULATION OF TUVA FROM THE EXTERNAL CAUSES

Ilyana I. Dongak

Research Institute of Medical Social Problems and Management of the Republic of Tuva, Senior Researcher, Russia, Kyzyl, idupchur79@mail.ru.

Kara-Kys D. Arakchaa

Research Institute of Medical Social Problems and Management of the Republic of Tuva, Cand. of Sci. (Chemistry), Chief Researcher, Russia, Kyzyl, chodura@yandex.ru.

Abstract. The article provides an analysis of the mortality of the population of the Republic of Tuva from external causes during the period of 2012-2020. The purpose of the work is to analyze a number of indicators of mortality from external causes, the choice of methods for predicting mortality rates. One of the most commonly used methods of analyzing and predicting population mortality rates is the method of extrapolation: the polynomial trend and the "moving average line" trend. The authors have shown that the "moving average line" method of trend extrapolation gives the smallest error in forecasting mortality.

Keywords: mortality, external causes, forecasting, extrapolation methods, Republic of Tuva

For citation: Dongak, I. I., Arakchaa, K. D. (2022), "Experience of Trend Extrapolation in Forecasting Mortality among the Population of Tuva from External Causes", Asian Studies: History and Modernity, no. 3, p. 92-99. DOI: 10.24412/2782-6139-2022-3-92-99

Введение

Смертность от внешних причин смерти, в отличие от смертности от любой другой причины, в значительной степени зависит от условий жизни населения, от его образа жизни, и относится к предотвратимым потерям населения, т.е. является управляемой и устранимой.

В свете задач по увеличению ожидаемой продолжительности жизни населения в целом по России¹ и, в частности, по Республике Тыва², проблема снижения смертности населения, в том числе от внешних причин, является актуальной. При этом в целях оперативного принятия решений по снижению смертности населения от внешних причин вопросы регулярного прогнозирования на год-два вперед приобретают важное значение.

Целью исследования являются проведение анализа динамического ряда статистических показателей смертности населения от внешних причин в Республике Тыва за 2012-2020 гг. и выбор методов прогнозирования показателей смертности населения в Республике Тыва от внешних причин.

¹ Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» [Электронный ресурс] URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/43027> (Дата обращения: 20.11.2022); Путин призвал увеличить среднюю продолжительность жизни до 78 лет к 2030 году // Российская газета, 18.07.2022 [Электронный ресурс] URL: <https://rg.ru/2022/07/18/povestka-na-budushchee.html> (Дата обращения: 20.11.2022).

² Стратегия развития здравоохранения Республики Тыва на период до 2030 года (в ред. Постановления правительства Республики Тыва от 13.07.2022 N 450) [Электронный ресурс] URL: <https://docs.cntd.ru/document/550119266?section=text> (Дата обращения: 20.11.2022).

В статье представлены анализ статистических данных³ в динамике, прогноз показателей смертности на основе экстраполяции трендов, сравнение прогнозных данных с фактическими.

Анализ статистических данных по смертности от внешних причин

В Республике Тыва смертность от внешних причин в структуре основных причин смерти занимает второе место (рис. 1). Из рисунка видно, что за анализируемый период смертность населения республики от внешних причин (в абсолютных значениях) имеет устойчивую тенденцию к снижению, и за 9 лет сократилась на 37,7%.

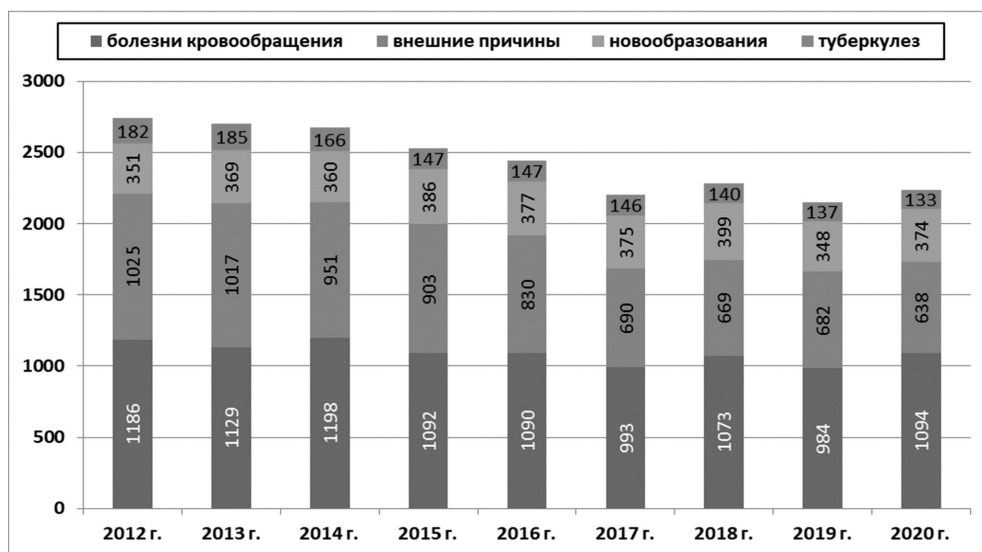

Рис. 1. Структура смертности по Республике Тыва по основным причинам смерти (в абс.ч.)

В структуре смертности от внешних причин нами выделены наиболее распространенные причины смерти: автотранспортные травмы, алкогольные отравления, самоубийства и убийства. На рис. 2 представлена динамика за 2012-2020 гг.

³ Статистический ежегодник Республики Тыва 2020 (по каталогу стат. Сборник № 1.37.5РТ). Кызыл, 2020 г.

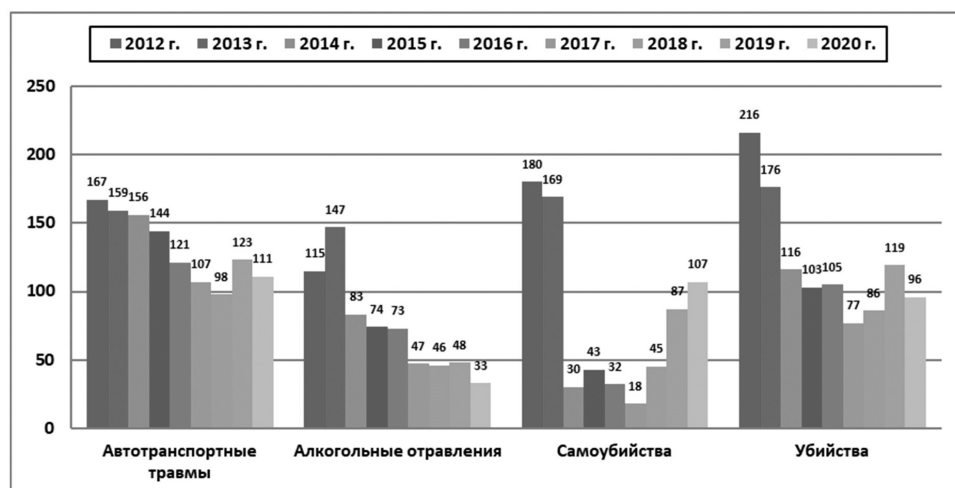

Рис.2. Структура смертности населения Тувы от внешних причин за 2012-2020 гг. (в абс.ч.)

Наиболее неблагоприятными годами по случайным отравлениям алкоголем, самоубийствам и убийствам были 2012-2013 гг. Нестабильная ситуация за анализируемый период отмечается по самоубийствам: наблюдались снижение в 2017 г. по сравнению с 2012 в 10 раз, увеличение в 2018 г. по сравнению с предыдущим годом – в 2,5 раза, с дальнейшим ростом в 2019 г. на 93,3% и в 2020 г. – на 23% в сравнении с предыдущими годами. По остальным причинам смертности до 2018 г. в целом наблюдается тенденция к снижению показателей.

В 2019-2020 гг. по всем причинам смертности наблюдается рост, кроме класса алкогольных отравлений, где в 2020 г. по сравнению с 2019 наблюдается снижение на 31,25 %.

Тем не менее, в 2020 г. по сравнению с 2012 г. во всех классах смертности населения от внешних причин наблюдается снижение почти в 2 раза, по алкогольным отравлениям – в 3,5 раза.

Прогнозирование смертности от внешних причин

Для прогнозирования показателей смертности нами был выбран метод экстраполяции трендов, заложенный в программе Excel, как наиболее доступный и распространенный способ. Наиболее пригодными для экстраполяции временных рядов оказались тренды полиномиальный и «скользящая средняя линия».

Полиномиальный тренд применяется для описания значений временных рядов, попеременно возрастающих и убывающих. Этот метод эффективен для анализа большого набора данных нестабильной величины [Батурин 2022].

Метод скользящей средней дает возможность выравнять динамический ряд путем его расчленения на равные части с обязательным совпадением в каждой из них сумм модельных и эмпирических значений [Семин и др. 2021, с. 131].

Динамика смертности от внешних причин в Республике Тыва представлена на рис. 3. Экстраполяция на 2021 г. полиномиального тренда (2-й степени) показывает снижение смертности до 580 случаев, а тренда «скользящая средняя линия» оставляет число случаев смерти практически на уровне 2020 г. (638) – 640. Фактически в 2021 г. смертность от внешних причин в Туве достигла 682 случаев⁴.

Рис. 3. Динамика и прогноз смертности от внешних причин в Республике Тыва

Относительная ошибка прогноза, рассчитанная по формуле (факт – прогноз*100/прогноз) [Минашкин и др. 2008, с. 149], составляет в пер-

⁴ Демография. Сайт Федеральной службы государственной статистики [Электронный ресурс] URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/EDN_2021.xlsx (Дата обращения: 06.10.2022).

вом случае 7,6%, во втором – в 6,6%. Точность прогнозирования (формула: $100\% - \text{ошибка}\%$ [Минашкин и др. 2008, с. 149]) составляет при экстраполяции полиномиального тренда 92,4%, тренда «скользящая средняя линия» – 93,4% (табл. 1).

Далее по той же методике сделана попытка прогноза смертности от внешних причин в Туве по различным причинам смерти (рис. 4 а, б, в, г). Прогнозные и фактические данные представлены в таблице.

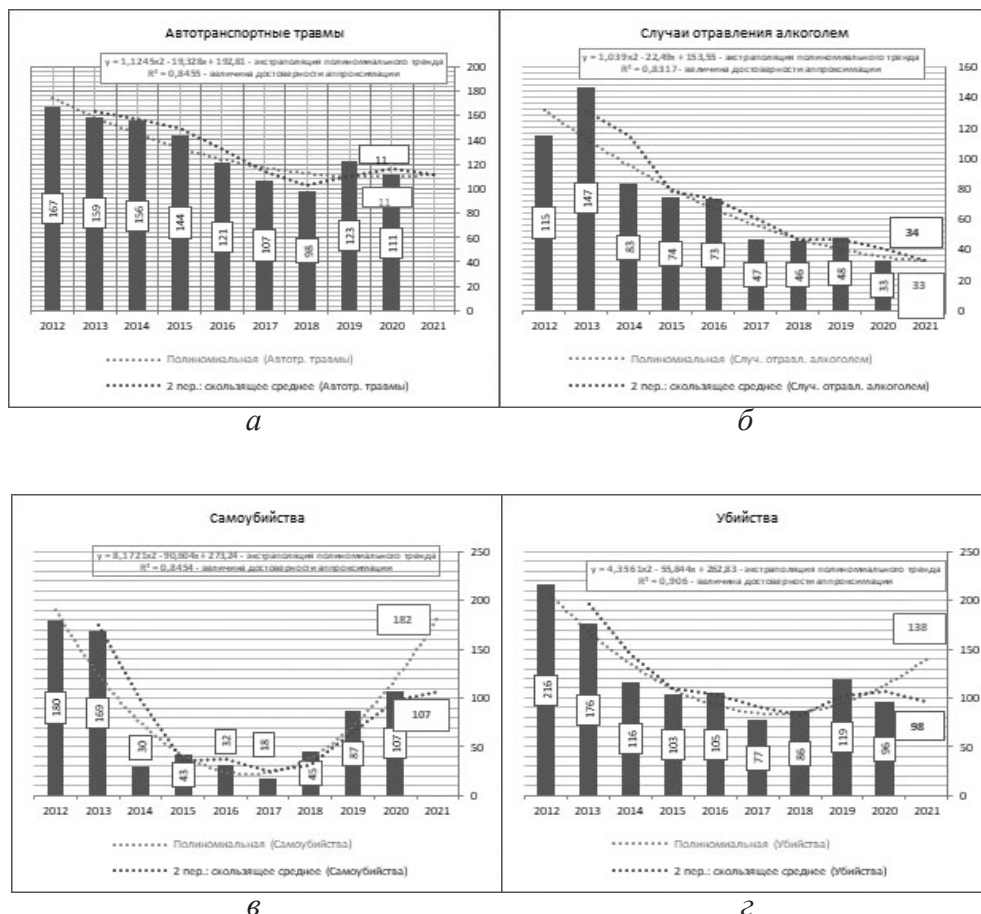

Рис. 4. Экстраполяция трендов на 2021 г. по отдельным причинам смерти смертности от внешних причин: а) смертность от автомобильных травм; б) смертность от случайных отравлений алкоголем; в) смертность от самоубийств; г) смертность от убийств

Таблица 1

**Сравнение прогнозных и фактических значений
смертности от внешних причин**

Отдельные причины смерти от внешних причин	Прогноз, абс. ч.		Факт (2021 год), абс. ч. [7]	Ошибка прогноза, % [Минашкин и др. 2008, с. 149]		Точность прогноза, % [Минашкин и др. 2008, с. 149]	
	Полиномиальный тренд	Тренд «скользящая средняя линия»		Полиномиальный тренд	Тренд «скользящая средняя линия»	Полиномиальный тренд	Тренд «скользящая средняя линия»
От внешних причин в целом	580	640	682	7,6	6,6	92,4	93,4
Автотр. травмы	112	112	118	5,9	5,9	94,9	94,9
Убийства	138	98	98	30,0	0,0	70,0	100,0
Самоубийства	182	107	71	43,9	33,6	Прогноз не оправдался	
Случ. отравл. алкоголем	33	34	73	121	115	Прогноз не оправдался	

В таблице показано, что прогнозирование экстраполяцией выбранных трендов по смертности от внешних причин в целом и по причине смерти от автотранспортных травм, а также прогноз смертности от убийств экстраполяцией тренда «скользящая средняя линия» дали высокую степень точности, от 93,4 до 100,0%.

Фактически не оправдался прогноз по смертности от самоубийств и случайного отравления алкоголем. В первом случае в 2021 г. произошло значительное снижение смертности по сравнению с 2020 г. на 33,6%, во втором, наоборот, повышение – на 121%. Для прогнозирования по данным причинам смерти необходимо учитывать не только временные ряды динамики смертности, но и другие факторы, которые в данном конкретном случае пока невозможно обозначить. Возможно, это связано с тем, что в 2021 г. в связи с распространением в Туве более смертельного дельта-штамма новой коронавирусной инфекции COVID-19 изменилась социально-психологическая ситуация в обществе. В любом случае это задача отдельного тщательного изучения, которое выходит за рамки поставленной задачи настоящей статьи.

Заключение

Экстраполяция тренда «скользящая средняя линия» дала высокие показатели точности и фактически оправдалась в трех из пяти попыток прогноза. Экстраполяция полиномиального тренда – в двух из пяти. Необходимо отметить, что во всех случаях применения полиномиального

тренда мы использовали тренд 2-й степени. Возможно надо было использовать другие степени полиномиального тренда в зависимости от количества экстремумов на кривых динамики временного ряда.

Литература:

1. Батурин 2022 – Батурин А. Уравнение полиномиального тренда второго порядка [Электронный ресурс] URL: <https://al-shell.ru/articles/uravnenie-polinomialnogo-trenda-vtorogo-poryadka/> (Дата обращения 20.11.2022).
2. Минашкин, Садовникова, Шмойлова 2008 – Минашкин В.Г. Садовникова Н.А. Шмойлова Р.А. Бизнес-статистика и прогнозирование. /Московский государственный университет экономики, статистики и информатики. - М., 2008. – 154 с.
3. Семин, Лысенко и др. 2021 – Семин А.Н., Лысенко Ю.В., Лысенко М.В., Таипова Э.Х. Макроэкономическое планирование и прогнозирование (учебник). – М.: КноРус, 2021. – 308 с.

References

1. Baturin, A. "Uравnenie polinomial'nogo trenda vtorogo poryadka" [The Second - Order Polynomial Trend Equation], [Online], available at: URL: <https://al-shell.ru/articles/uravnenie-polinomialnogo-trenda-vtorogo-poryadka/> (access data: 20.11.2022). (In Russ.).
2. Minashkin, V. G., Sadovnikova, N. A. and Shmoilova, R. A. (2008) "Biznes-statistika i prognozirovanie" [Business Statistics and Forecasting.], Moskovskii gosudarstvennyi universitet ekonomiki, statistiki i informatiki, Moscow, 154 p. (In Russ.).
3. Semin, A .N., Lysenko, Yu.V., Lysenko, M. V.and Taipova, E. Kh. (2021) "Makroekonomicheskoe planirovanie i prognozirovanie" (uchebnik) [Macroeconomic Planning and Forecasting (textbook).], Moscow, 308 p. (In Russ.).

Информация об авторах:

Ильяна И. Донгак, старший научный сотрудник, Научно-исследовательский институт медико-социальных проблем и управления Республики Тыва, Кызыл, Россия; 667003, Россия, Кызыл, ул. Кечил-оола, 2А, idupchur79@mail.ru.

Кара-кыс Д. Аракчаа, кандидат химических наук, главный научный сотрудник, Научно-исследовательский институт медико-социальных проблем и управления Республики Тыва, Кызыл, Россия; 667003, Россия, Кызыл, ул. Кечил-оола, 2А, nii_mspu_rt@mail.ru.

Information about the authors:

Ilyana I. Dongak, Senior Researcher, Research Institute of Medical and Social Problems and Management of the Republic of Tuva, Kyzyl, Russia; 667003, Russia, Kyzyl, Kecil-oola str., 2A, idupchur79@mail.ru.

Kara-kys D. Arakchaa, Candidate of Chemical Sciences, Chief Researcher, Research Institute of Medical and Social Problems and Management of the Republic of Tuva, Kyzyl, Russia; 667003, Russia, Kyzyl, Kecil-oola str., 2A, nii_mspu_rt@mail.ru.

**АЗИАТСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ:
ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ
№ 3 (3), 2022**

Научный журнал

Учредитель – Тувинский институт гуманитарных и прикладных
социально-экономических исследований при Правительстве
Республики Тыва Издатель – Тувинский институт гуманитарных и прикладных
социально-экономических исследований при
Правительстве Республики Тыва

Главный редактор: Моллеров Н. М.
Заместитель главного редактора: Натсак О. Д.
Выпускающий редактор: Натсак О. Д.
Верстка: Кыргыс Ч.С.

Точка зрения авторов публикуемых материалов
не обязательно отражает мнение редакции

При перепечатке материалов ссылка на журнал
«Азиатские исследования: история и современность» обязательна.

Адрес редакции:

667000, Республика Тыва, Кызыл, ул. Кочетова, 4,
тел.: (39422)2-36-39

e-mail: asvestnik@tigpi.ru

Сайт журнала: asvestnik.ru

Формат 70X100 1/16. Бумага офс.№1.
Печать офсетная. Объем 6,25 п.л. Тираж 50 экз.

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного оригинала-макета в ООО «Тываполиграф»
66700, Республика Тыва, г. Кызыл, ул. Щетинкина-Кравченко, 1
Тел.: (394-22) 3-24-47, 3-04-71
Подписано в печать 19.12.2022.
Дата выхода 24.12.2022

В розницу – цена свободная

© Азиатские исследования:
история и современность, 2022